

Assassin's Creed. Единство

Автор:

[Оливер Боуден](#)

Assassin's Creed. Единство

Оливер Боуден

Assassin's Creed #7

Франция, XVIII век. Маленькая дворянка Элиза Де Ла Серр живет в огромном замке Версаля с любящими родителями, под присмотром многочисленных нянек, гувернеров и слуг. Она и не догадывается, почему ей больше нравится играть в солдатиков с мальчишками ее возраста, чем проводить время со сверстницами. Родители тоже не похожи на людей своего круга – папа часто встречается с какими-то «воронами», а мама не любит сплетничать и не стремится блистать при дворе.

Однажды во время прогулки по городу Элиза и ее мать подвергаются нападению ассасинов, и девочке приходится раньше положенного срока узнать свое предназначение – ей суждено стать великим магистром французских тамплиеров.

Основой для книги послужила популярная видеоигра компании «Ubisoft».

Впервые на русском языке!

Оливер Боуден

Assassin's Creed. Единство

Oliver Bowden

ASSASSIN'S CREED: UNITY

© 2017 Ubisoft Entertainment. All rights reserved. Assassin's Creed.

Ubisoft and the Ubisoft logo are trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or other countries.

* * *

Особенно радуют те моменты, которые не вошли в игру, словно открываешь ранее не замеченную дверь.

Из отзывов читателей на сайте ozon.ru

Очень рекомендую прочесть до того, как начнете играть... или пройти игру до того, как начнете читать. По-любому сплошное удовольствие.

Из отзывов читателей на сайте amazon.com

Эта книга вам понравится, даже если вы не играете в «Assassin's Creed». В ней оживают персонажи, их вымышленные судьбы врастают в реальную историю.

Из отзывов читателей на сайте amazon.com

Отрывок из дневника Арно Дориана

12 сентября 1794 г

На моем столе лежит ее дневник, открытый на первой странице. Это все, что я сумел прочитать, пока у меня не перехватило дыхание от переполнявших душу эмоций и строки не поплыли от застилающих глаза слез. Они катились по моим щекам бурным потоком, в то время как мысли о ней вновь вспыхнули в моей голове с новой силой. Наши детские проказы и игры в прятки. Маленькая бунтарка, которую я узнал и полюбил во взрослой жизни. Пряди рыжих волос, разбросанные по плечам, и пронзительные глаза под темными густыми ресницами. Она обладала грациозностью, присущей опытным танцорам и искусным фехтовальщикам. И везде она держалась уверенно: будь то дворцовый зал, где она скользила по паркету, ловя голодные взгляды мужчин, или поединок.

Но в этих глазах скрывались тайны, которые я собрался разгадать. Я вновь беру ее дневник. Мне хочется прикоснуться к страницам и гладить слова, чувствуя: здесь запечатлена часть ее души.

Я продолжаю чтение.

Отрывки из дневника Элизы де ла Серр

9 апреля 1778 г

1

Меня зовут Элиза Де Ла Серр. Имена моих родителей – Франсуа и Жюли. Мы живем в Версале: блистательном, прекрасном Версале с его аккуратными домиками и величественными замками, над которыми простерлась тень

громадного дворца. Улицы здесь обсажены деревьями лайма. Версаль знаменит своими сверкающими озерами, фонтанами и садами с искусно подстриженными деревьями.

Мы – аристократы. Баловни судьбы. Привилегированное сословие. Чтобы убедиться в этом, достаточно проехать до Парижа. Дорога до столицы занимает чуть больше двадцати километров и освещается висячими масляными фонарями – в Версале их можно встретить повсюду. Но парижская беднота пользуется сальными свечами, и дым от фабрик, где вытапливают сало, висит над городом, будто саван смерти, пачкая кожу и вызывая удушье. Одетые в рвань, со спинами, согбенными ношей или тягостными мыслями, бедняки Парижа бредут по улицам, которые, похоже, так и не дождутся появления фонарей. Вдоль улиц прорыты сточные канавы, переполненные грязью и человеческими нечистотами. Содержимое канав пачкает ноги тех, кто несет наши портшезы, из окон которых мы смотрим во все глаза.

Проходит время, и позолоченные кареты везут нас обратно в Версаль. Мы проезжаем мимо фигур на полях. Окутанные туманом, они напоминают призраков. Эти босоногие крестьяне обрабатывают земли аристократии и голодают, если год выдаться неурожайным. Они всецело зависят от землевладельцев. Дома я слушаю рассказы родителей о том, как ночью крестьянам бывает не до сна. Как они гоняют лягушек, чтобы те своим кваканьем не мешали спать господам. Как крестьяне вынуждены есть траву, чтобы не умереть с голоду. Как знать не платит налогов и не несет воинской повинности. Аристократу не грозит *corvée*, [1 - Тяжелая работа, рабский труд (фр.). (Здесь и далее прим. перев.)] унижительный труд, где за целый день дорожных работ человек не получает ни гроша.

По словам родителей, Мария-Антуанетта днями бродит по коридорам, залам и многочисленным комнатам королевского дворца, придумывая новые способы потратить деньги, отпускаемые ей на наряды. Тем временем ее муж – Людовик XVI – занят в своем *lit de justice*. [2 - Дословно «балдахин правосудия» (фр.). Впоследствии так стали называться законотворческие заседания королевского совета.] Король издает законы, обогащающие аристократию за счет бедных и голодающих. Лица родителей мрачнеют; они считают, что подобные действия способны разжечь революцию.

У моего отца было несколько «сподвижников». Его советники. Трое мужчин – господа Кретьен Лафреньер, Луи-Мишель Лепелетье и Шарль Габриэль Сивер – и

одна женщина – мадам Левек. Все они носили длиннополые черные камзолы и темные фетровые шляпы, а их глаза никогда не улыбались. Я звала их «во?ронами».

– Неужто мы не усвоили уроки кроканов? – спрашивает мать.

Разумеется, из рассказов матери я знала о кроканах – крестьянских бунтовщиках двухсотлетней давности.

– Похоже, что нет, Жюли, – отвечает отец.

Есть выражение, описывающее момент, когда что-то вдруг становится тебе понятным. В таких случаях говорят: «До него (или до нее) дошло».

В детстве я никогда не задавалась вопросом, почему меня учат истории, а не этикету и хорошим манерам. Я не спрашивала, почему мама после обеда уходила в комнату, где отец совещался с «во?ронами». Там ее громкий голос слышался наравне с голосами остальных. Меня не удивляло, что она сама, без помощи конюха, седлает лошадь. Не поражало меня и то, почему у мамы почти никогда не было времени на разговоры о модах и придворные сплетни. Я ни разу не спросила, почему она не похожа на остальных матерей.

Так продолжалось, пока до меня не дошло.

2

Моя мать была красивой женщиной и хорошо одевалась, хотя и уделяла своей внешности гораздо меньше времени, чем придворные дамы. Последних она не одобряла и при разговоре о них всегда кривила губы. По мнению мамы, эти дамы были помешаны на платьях, положении в обществе и прочих «вещах».

– Они не видят дальше собственного носа. Элиза, обещай мне, что не превратишься в одну из них.

Заинтригованная, желающая знать, какой мне ни в коем случае нельзя становиться, я пристраивалась возле материнского подола, чтобы шпионить за ненавистными ей женщинами. Я видела густо напудренных сплетниц. Они разыгрывали верность своим мужьям, но при этом так и стреляли глазами из-под вееров, высматривая беспечных любовников, способных попасться в их силки. Складки маминого платья делали меня незаметной, и я мельком заглядывала за напудренную маску этих сплетниц, когда язвительный смех высыхал на их губах, а в глазах угасал насмешливый взгляд. Тогда я видела этих женщин такими, какие они есть на самом деле. Их снедал страх. Они боялись лишиться благосклонности двора или соскользнуть с социальной лестницы.

Мама была совсем иной. Начну с того, что она не проявляла ни малейшего интереса к сплетням. Я никогда не видела в ее руках веер, а пудру она ненавидела. Маме было просто некогда рисовать себе мушки на лице или разными снадобьями делать кожу алебастрово-белой. Единственной уступкой моде были туфли. Все внимание, какое мама уделяла своему внешнему виду, подчинялось одной-единственной цели – соблюдению приличий.

И еще: она была исключительно верна моему отцу. Она стояла рядом с ним, плечом к плечу, но никогда – за его спиной. Она поддерживала отца, проявляя непоколебимую преданность. В присутствии других она всегда держала его сторону, хотя за закрытыми дверями они, случалось, спорили, и я слышала, как ее слова охлаждали отцовский пыл.

Правда, я уже не помню, когда в последний раз слышала, чтобы мать о чем-то спорила с отцом.

Говорят, сегодня она может умереть.

10 апреля 1778 г

Но мама пережила эту ночь.

Я сидела у постели, держала ее руку и разговаривала с ней. Какое-то время я пребывала в заблуждении, что утешаю ее. Так продолжалось, пока мама не повернула голову и не посмотрела на меня мутным, но осмысленным взглядом. Тогда я поняла: мои беседы лишь утомляли и без того уставшую женщину.

За вечер я несколько раз смотрела из окна вниз, во двор, и видела там Арно. Я даже позавидовала его способности быть настолько безучастным к страданиям ближних. Разумеется, он знает о маминой болезни. Но чахотка – недуг распространенный, и больные, умирающие на руках у врача, – обыденное явление даже здесь, в Версале. И потом, он – не из семейства Де Ла Серр. Арно – наш подопечный и потому не посвящен в самые глубокие и мрачные семейные тайны. И наши страдания тоже вне его понимания. Почти все время, что Арно живет у нас, мама остается для него далеким существом, обитающим на верхних этажах замка. Он и воспринимает ее только как больную женщину.

Нас с отцом снедает беспокойство, и мы украдкой поглядываем друг на друга. На публике мы всячески стараемся вести себя как обычно. Страшный диагноз маме поставили два года назад, и это несколько приуменьшает нашу скорбь. Наше горе – еще одна тайна, в которую не посвящен Арно.

2

Мы приближаемся к моменту, когда «до меня дошло». Первое происшествие, заставившее меня по-настоящему задуматься о своих родителях, и в первую очередь о маме, представляется мне в виде столба на дороге, ведущей к моей судьбе.

Это случилось в школе при монастыре. Я оказалась там, когда мне едва исполнилось пять, и потому воспоминания отнюдь не отличаются связностью. На самом деле это просто обрывки впечатлений. Одно из них прочно засело в моей голове: я смотрю сквозь заиндевевшее оконное стекло и вижу кроны деревьев, выступающие из-под слоев тумана. И... игуменью.

Сгорбленная, желчная, игуменья была известна своей жестокостью. Она бродила по монастырским коридорам, сжимая в руках трость, в поисках очередной жертвы. В ее кабинете трость всегда лежала на столе. Как мы тогда говорили: «Твой черед». Мой черед наступал всякий раз, когда я испытывала радость. Эти мгновения мимолетного счастья немедленно следовало пресечь. Игуменья их ненавидела. Ее раздражал мой залиvistый смех, а мою счастливую улыбку она всегда называла усмешкой. Трость должна была стереть ее с моего лица.

В этом игуменья оказалась права: ненавистная палка действительно заставила меня позабыть о смехе. Правда, ненадолго.

А потом, в один из дней, к игуменье приехали мои родители. По их просьбе меня позвали в ее кабинет. Войдя, я увидела родителей сидящими на стульях. Они повернулись в мою сторону и коротко кивнули мне в знак приветствия. Игуменья стояла за столом. На ее лице, как всегда, было написано нескрываемое презрение. Похоже, она только что закончила перечислять мои многочисленные прегрешения.

Если бы мама приехала одна, я бы держалась не так скованно. Скорее всего, я бы бросилась к ней в надежде, что сейчас заберусь под складки ее платья и окажусь в другом мире, подальше от этого ужасного места. Но родители приехали вдвоем, а отец был моим королем. Он диктовал, каких правил приличия мы должны придерживаться. И это он настоял, чтобы я обучалась при монастыре. А потому я чинно подошла, сделала реверанс и стала ждать, когда со мной заговорят.

Мама схватила меня за руку. Понятия не имею, как она сумела заметить следы ударов на внутренней стороне локтя. И все же отметины, оставленные тростью, не укрылись от материнских глаз.

– Как вы объясните вот это? – строго спросила мама, показывая игуменье следы ее побоев.

Игуменью я всегда видела спокойной и собранной, однако сейчас ее лицо побледнело. В одно мгновение моя мама превратилась из учливой и вежливой дамы, каковой и надлежало быть гостье игуменьи, в орудие потенциального гнева. Мы все это почувствовали, особенно игуменья.

– Я вам уже говорила: Элиза – девочка своевольная и непослушная, – слегка запинаясь, произнесла она.

– И потому вы били ее тростью? – спросила мама, гневаясь еще сильнее.

Игуменья расправила плечи:

– А как еще прикажете поддерживать порядок?

Мама схватила трость:

– Я думала, вам известны иные способы поддержания порядка. Или вы считаете, что трость в руках делает вас сильной?

Она ударила палкой по столу. Игуменья подпрыгнула и громко сглотнула. Глаза хозяйки кабинета стремительно переместились на моего отца, который отстраненно, с непроницаемым лицом наблюдал за дуэлью двух женщин, словно все это не требовало его участия.

– В таком случае вы глубоко ошибаетесь, – добавила мама. – Трость делает вас слабой.

Мама встала, зло сверкнув глазами и заставив игуменью снова подпрыгнуть, поскольку трость в маминой руке вторично ударила по столу.

– Идем, Элиза, – сказала мама, беря меня за руку.

Мы покинули монастырь, и с тех пор учителя приходили ко мне домой.

Когда мы спешно выходили за ворота монастыря и потом, когда молча ехали в карете, я кое-что поняла. Родители были сердиты, но не произносили ни слова. И все же я догадалась: мамино поведение в кабинете игуменьи недопустимо для знатных дам. Во всяком случае, обычно дамы так себя не ведут.

* * *

Еще одно воспоминание. Прошел год или чуть больше. Владельцы соседнего замка праздновали день рождения своей избалованной дочки. Мои сверстницы играли в куклы, устраивая для них чаепитие с воображаемыми чаем и пирожными. Даже тогда это казалось мне глупым.

Неподалеку мальчишки играли в солдатики. Едва я встала, готовая присоединиться к ним, среди гостей воцарилось неловкое молчание.

Ко мне тут же подскочила моя нянька Рут и, схватив за руку, повела прочь от мальчишек.

– Поиграйте лучше с куклами, Элиза, – твердым и в то же время встревоженным голосом потребовала она.

Остальные няньки недовольно поглядывали на нее, и от этого Рут вся сжалась. Я подчинилась: присела на корточки, изображая интерес к кукольному чаепитию. Лужайка, пережившая внезапное потрясение, вновь наполнилась шумом и голосами мальчишек, играющих в солдатиков, девчонок, поивших кукол воображаемым чаем, нянек, надзирающих за своими подопечными, и знатных дам, рассевшихся на чугунных садовых стульях неподалеку, – матерей этой шумной ребятни.

Я взглянула на этих высокородных сплетниц глазами матери и увидела свой жизненный путь: от ребенка, играющего на траве, до придворной дамы. С предельной ясностью я поняла, что не хочу идти таким путем. Я не хотела быть похожей на тех матерей. Мне хотелось походить на мою маму. Найдя предлог, она покинула толпу сплетниц и стояла у воды, ясно показывая: она не такая, как все.

3

Я получила записку от мистера Уэзеролла. Он написал на своем родном английском языке, сообщая о желании навестить маму. В записке содержалась просьба: встретиться с ним в полночь в библиотеке и проводить в мамину комнату. При этом он также настоятельно просил не говорить ничего отцу.

Это еще одна тайна, которую я вынуждена хранить. Иногда я чувствую себя одной из тех несчастных, что мы видим в Париже: согнувшихся под тяжестью чужих ожиданий.

А мне всего десять лет.

11 апреля 1778 г

1

В полночь я натянула халат, взяла свечу, крадучись спустилась в библиотеку и стала дожидаться мистера Уэзеролла.

Он проник в замок как призрак. Он двигался бесшумно, и собаки его не учуяли. В библиотеку он пробрался настолько тихо, что я едва услышала открывшуюся и тут же закрывшуюся дверь. Мистер Уэзеролл в несколько шагов пересек пространство библиотеки, стянул с головы ненавистный парик и сжал мои плечи.

– Говорят, она быстро угасает. – В его голосе я расслышала надежду на то, что это неправда.

– Так и есть, – подтвердила я, понутив голову.

Ночной гость закрыл глаза. Мистеру Уэзероллу было лет сорок пять – мои родители были всего на несколько лет моложе, – но прожитые годы наложили на его лицо свой отпечаток.

– Когда-то мы с мистером Уэзероллом были очень близки, – призналась однажды мама.

Мне показалось, что она покраснела.

Впервые я встретила с мистером Уэзероллом пронзительно холодным февральским днем. Та зима была первой в цепи по-настоящему суровых зим. В Париже замерзла разлившаяся Сена. Бедняки умирали от холода прямо на улицах. А в Версале все обстояло совсем по-другому. Стараниями слуг ко времени нашего пробуждения по всему замку в очагах жарко пылал огонь. Одетые в теплые меха, мы ели обжигающе горячий завтрак. Утром и днем мы гуляли по саду, и меховые муфты надежно согревали наши руки.

В тот день ярко светило солнце, что не мешало холоду все так же пробираться до костей. Густой слой снега был покрыт сверкающей ледяной коркой, настолько твердой, что наш ирландский волкодав Царапка мог бежать по нему, не рискуя провалиться. Вначале пес сделал несколько осторожных шагов, а затем, почувствовав удачу, с радостным лаем рванулся вперед. Мы с мамой шли в направлении деревьев, обступавших южную лужайку.

Я держала маму за руку и в какой-то момент обернулась. Вдали, окаймленный снегами, перемигивался окнами наш замок. Вскоре мы ушли с освещенного пространства, и замок сразу исчез из виду, словно его заштриховали карандашом. Я обнаружила, что мы зашли дальше обычного, лишившись покровительства родных стен.

– Если увидишь в тени деревьев незнакомого господина, не пугайся, – наклонившись ко мне, тихо сказала мама. Услышанное заставило меня крепче сжать материнскую руку. Мама засмеялась. – Мы здесь не просто так.

Мне было тогда шесть лет. Я и понятия не имела, что встреча мужчины и женщины в подобных условиях может иметь «последствия». По моим представлениям, мама просто встретила с каким-то господином. Я придала этому не больше значения, чем ее разговорам с нашим садовником Эмануэлем или кучером Жаном.

Среди деревьев было даже тише, чем на заснеженной лужайке. Нас окружал абсолютный покой. Мама повела меня по узкой тропке, уходящей вглубь леса.

– Мистер Уэзеролл любит поиграть, – пояснила мама. Ценя здешнюю тишину, она и сама говорила вполголоса. – Возможно, ему захочется преподнести сюрприз, и нам нужно быть готовыми к этому. Обрати внимание на окружающую местность. Она подскажет нам, чего ожидать. Видишь следы?

Вокруг лежал нетронутый снег.

– Нет, мама.

– Хорошо. Значит, в непосредственной близости от нас его нет. А как ты думаешь, где в таких условиях может спрятаться человек?

– За большим деревом?

– Верно. А если вон там?

Мама указала вверх. Я вытягивала шею, вглядываясь в сплетение заснеженных ветвей, сквозь которые прорывался неяркий солнечный свет.

– Всегда все подмечай, – улыбнулась мама. – Глаза тебе даны, чтобы видеть. Старайся никогда не склонять голову. Не показывай другим, куда направлено твое внимание. В жизни тебе встретятся противники, которые попытаются по выражению лица узнать о твоих намерениях. Заставляя их теряться в догадках, ты сохранишь свое преимущество.

– Мама, а может, этот господин спрятался высоко на дереве? – спросила я.

– Нет, – усмехнулась она. – В общем-то, я его уже увидела. А ты, Элиза, видишь его?

Мы остановились. Я пристально всматривалась в деревья, что высились перед нами.

– Нет, мама, – призналась я.

– Фредди, покажись! – крикнула мама.

В нескольких метрах от нас из-за дерева вышел седобородый человек, сорвал с головы треуголку и церемонно поклонился.

Версальские мужчины, как правило, смотрели свысока на всякого, кто не был похож на них. Мне думалось, что и улыбки у них были особые – «версальские улыбки»: нечто среднее между легким удивлением и скукой. С их губ постоянно была готова сорваться какая-нибудь остроумная колкость, что являлось отличительной чертой всех придворных.

Человек, вышедший из-за дерева, явно не принадлежал к числу версальских мужчин, о чем свидетельствовала хотя бы его борода. Он улыбался, но вовсе не «версальской улыбкой». Его улыбка была мягкой и в то же время серьезной. Судя по всему, этот человек думал, прежде чем что-то сказать, и не бросал слова на ветер.

– Фредди, ты отбрасываешь тень, – улыбнулась мама, когда он приблизился к нам и поцеловал протянутую ему руку.

Он поцеловал и мою руку, снова поклонившись.

– Тень? – переспросил он.

Голос у него звучал тепло, с некоторым рокотом; голос моряка или солдата, но не утонченного придворного.

– Черт побери, должно быть, теряю чутье.

– Надеюсь, Фредди, что ты ошибаешься, – засмеялась мама. – Элиза, познакомься с мистером Уэзероллом. Он англичанин. Мой коллега. А ты, Фредди, познакомься с моей дочерью Элизой.

Коллега? Что-то типа советника, может быть? Как папины «во?роны»? Нет, на них он был совсем не похож. Хотя бы тем, что взгляд его не был суровым.

– Очарован, мадемуазель, – хрипло произнес мистер Уэзеролл.

Английский акцент придавал слову «мадемуазель» некий шарм.

Мама перестала улыбаться. Ее взгляд сделался серьезным.

– Элиза, мистер Уэзеролл является нашим доверенным лицом и защитником. В случае необходимости ты всегда можешь обратиться к нему за помощью.

– А как же отец? – спросила я, испытывая некоторое замешательство.

– Отец горячо любит нас обеих и охотно отдал бы за нас свою жизнь. Но мужчин, занимающих столь высокое положение, как твой отец, необходимо оберегать от дополнительных забот о близких. Потому, Элиза, я и прибегаю к помощи мистера Уэзеролла. Незачем беспокоить твоего отца делами, касающимися женской части нашей семьи. – Мамин взгляд стал еще серьезнее. – Незачем беспокоить твоего отца. Ты это понимаешь, Элиза?

– Да, мама.

Мистер Уэзеролл понимающе кивнул.

– Мадемуазель, я здесь, чтобы служить вам, – сказал он.

– Благодарю вас, месье, – ответила я, делая реверанс.

Взявшийся как будто из ниоткуда Царапка радостно завилял хвостом, приветствуя мистера Уэзеролла. Оба явно были давними друзьями.

– Жюли, мы можем поговорить? – спросил наш защитник, вновь надевая треуголку.

Они с мамой пошли рядом. Я отставала от них на пару шагов. Взрослые говорили вполголоса, и до меня долетали лишь обрывки их разговора. Я слышала слова «великий магистр» и «король», которые ничего для меня не значили в то время. Только с годами эти слова обрели смысл.

А затем случилось нечто неожиданное.

Все это было так давно, что я не помню точной последовательности событий. Кажется, в какой-то момент мама и мистер Уэзеролл замерли и напряглись, а Царапка оцетинился и зарычал. Затем мама резко повернулась. Я проследила за ее взглядом и увидела... волка. Он находился слева от меня, в кустарнике. Черный с серыми подпалинами, он стоял не шелохнувшись и голодными глазами смотрел на нас.

Мама резко выдернула руку из муфты. Блеснуло лезвие. Она мигом оказалась рядом со мной, заслоняя меня своим телом. Я инстинктивно схватилась за подол ее одежды. Выставив руку с кинжалом вперед, мама смотрела на волка.

Наискосок от нас мистер Уэзеролл держал за загривок оцетинившегося Царапку. Другой рукой англичанин тянулся к мечу, висевшему у него на поясе.

– погоди! – скомандовала мама. Она вскинула руку, заставив мистера Уэзеролла остановиться. – Сомневаюсь, что этот волк вздумает напасть.

– Я бы не был так в этом уверен, Жюли, – предостерегающе возразил мистер Уэзеролл. – Это едва ли не самый голодный зверь из всех, что водятся здесь.

Волк смотрел на маму, а она смотрела на волка, продолжая разговор с нами.

– Ему стало нечего есть на холмах, вот он и явился сюда. Но, думаю, этот волк знает: попытавшись напасть, он сделается нашим врагом. Для него куда благоразумнее отступить перед лицом неумолимой силы и поискать себе пропитание в ином месте.

– Почему я улавливаю в твоих словах оттенок притчи? – спросил англичанин, коротко рассмеявшись.

– Потому что, Фредди, это и есть притча, – улыбнулась мама.

Волк еще несколько мгновений пристально глядел на нее. Наконец он опустил голову, повернулся и медленно потрусил прочь. Мы смотрели ему вслед, пока он не скрылся за деревьями. Мама убрала кинжал в муфту.

Я взглянула на мистера Уэзеролла. Его камзол был вновь застегнут на все пуговицы, скрывая меч.

Вся эта история еще на шаг приблизила меня к моменту, когда «до меня дошло».

3

Я проводила мистера Уэзеролла в мамину комнату. Он сказал, что хочет побыть с мамой наедине, и заверил меня, что выберется из замка самостоятельно. Поддавшись любопытству, я заглянула в замочную скважину и увидела, как он сел на постель, взял мамину руку и склонил голову. Через несколько секунд мне показалось, что я слышу его плач.

12 апреля 1778 г

1

Я смотрю в окно и вспоминаю прошлое лето. Наши игры с Арно, когда я выныривала из своих забот и снова наслаждалась безмятежными днями детства. Я бегала с ним по лабиринту живых изгородей на угодьях вокруг дворца, ссорилась из-за десерта. Тогда я совсем не знала, сколь короткой окажется эта чудесная пора.

Каждое утро я впиваюсь ногтями в ладони и спрашиваю Рут:

– Она проснулась?

Я имею в виду «Она жива?», и Рут это знает. Нянька спешит заверить меня, что мама пережила ночь.

Но ждать осталось недолго.

2

Итак, момент, когда «до меня дошло», все ближе. Но вначале напишу про еще один «дорожный столб».

Вскоре после моего знакомства с мистером Уэзероллом к нам приехало семейство Кэрролл. Весна в тот год выдалась чудесной! Снег сошел довольно быстро, и аккуратно подстриженные лужайки радовали нас сочной зеленью. Версаль возвращался к своему естественному состоянию безупречного совершенства. Нас окружали куртины таких же безупречно подстриженных деревьев, почти заглушавших шум города. Справа виднелись подступы ко дворцу: широкие каменные ступени, ведущие к колоннам его протяженного фасада. Великолепное зрелище для услаждения взора наших английских гостей – семьи Кэрролл. У себя в Лондоне они жили в Мейфэре – месте, где обитала английская знать. Отец с мистером Кэрроллом часами беседовали в гостиной. Иногда к ним присоединялись «во?роны». На нас с мамой была возложена задача развлекать миссис Кэрролл и ее дочь Мэй. Та с первых минут заявила мне, что ей уже десять, а поскольку мне тогда было всего шесть, это делало ее гораздо лучше меня.

Мы пригласили своих гостей прогуляться, пока утренняя прохлада не сменилась жгучим солнцем. На этой прогулке нас было четверо: мы с мамой и миссис Кэрролл с Мэй.

Взрослые шли впереди нас. Я заметила, что мамины руки и сейчас погружены в муфту. Неужели и на эту прогулку она взяла свой кинжал? Я спросила о нем сразу же после истории с волком:

– Мама, зачем ты носишь в муфте кинжал?

– Чтобы обороняться от хищных волков, – ответила она и с усмешкой добавила: – Как четвероногих, так и двуногих. И потом, кинжал помогает муфте сохранять форму.

Затем (для меня это быстро сделалось привычным) мама взяла с меня обещание хранить то, что я узнала, в качестве одной из наших *veritees cachees*. [З - Скрытая правда (фр.).] Мистер Уэзеролл тоже был *verite cache*. И когда он стал давать мне уроки владения мечом, те стали еще одной *verite cache*.

Иногда мне казалось, что вся моя жизнь состоит из тайн и секретов.

Мы с Мэй держались на почтительном расстоянии от матерей. Подолы наших платьев скользили по молоденькой травке. Издали могло показаться, что мы плывем по зеленым волнам нашей лужайки.

- Сколько тебе лет, Вонючка? - шепотом спросила Мэй.

Она задавала этот вопрос далеко не в первый раз.

- Не называй меня «вонючкой», - чопорным тоном потребовала я.

- Извини, Вонючка. Так сколько тебе лет?

- Шесть.

Мэй фыркнула. «Какой ужас быть шестилетней», - говорило ее фыркание, словно ей самой никогда не было шесть.

- Ну а мне десять, - высокомерно произнесла она.

Впрочем, она все и всегда говорила высокомерно.

- Я знаю, что тебе десять, - прошипела я и красочно вообразила, как выставляю ногу и Мэй расплывается на гравии дорожки.

- Ну, вдруг ты забыла?

Я представила ее поднимающейся с дорожки, представила камешки, прилипшие к ее орущей физиономии. Как говорил мне мистер Уэзеролл? Чем старше люди становятся, тем больше падают.

(И теперь, когда мне самой исполнилось десять, меня занимает вопрос: не стала ли я такой же высокомерной, как Мэй? Звучит ли и мой голос насмешливо, когда я говорю с теми, кто младше меня по возрасту или ниже по положению? Мистер Уэзеролл считает меня излишне самоуверенной; по-моему, это вежливый синоним слова «высокомерная». Возможно, наши разговоры с Мэй потому и были перепалкой, что глубоко внутри мы с ней очень похожи.)

Дорожка сделала поворот, и теперь, благодаря ветру, мы слышали, о чем говорят наши матери.

– Естественно, мы испытываем опасения относительно курса, который, судя по всему, хочет взять ваш орден, – говорила миссис Кэрролл.

– Вы испытываете опасения? – переспросила мама, особо выделив последнее слово.

– Да. Нас настораживают намерения советников вашего мужа. Мы с вами обе знаем: наш долг позаботиться о том, чтобы наши мужья действовали в правильном направлении. Возможно... если мне будет позволено это сказать... ваш муж разрешает определенным фракциям диктовать ему политику.

– Вы правы. Есть ряд высокопоставленных членов ордена, которые выступают в пользу, скажем так, более радикальных мер, касающихся изменения старого порядка.

– Нас в Англии это очень настораживает.

– Еще бы, – усмехнулась мама. – Вы в Англии противитесь любым переменам.

– Вовсе нет, – возразила миссис Кэрролл, задетая мамиными словами. – Вашему пониманию английского характера недостает тонкости. Зато я начинаю чувствовать, куда склоняются ваши собственные убеждения, мадам Де Ла Серр. Вы ратуете за перемены?

– Да, если это перемены к лучшему.

– В таком случае следует ли мне указать в отчете, что вы разделяете убеждения советников вашего мужа? Не напрасно ли меня отправляли сюда с поручением?

– Отнюдь нет, мадам. Приятно узнать, что я пользуюсь поддержкой моих английских коллег. Они, как и я, противятся решительным мерам. Это весьма утешает. Но я не могу утверждать, что соглашаюсь с вашей конечной целью. Верно, существуют силы, стремящиеся к насильственному перевороту. Это с одной стороны. С другой – мой муж верит в монарха, данного нам Богом, и его идеалы будущего не включают в себя вообще никаких перемен. Я же придерживаюсь третьей стороны. Если вам угодно, третьего пути. Вряд ли вас удивит, что я считаю свою идеологию наиболее умеренной из трех названных.

Некоторое время они шли молча. Миссис Кэрролл кивала, думая над мамиными словами.

– Миссис Кэрролл, мне жаль, если вы не ощущаете общности наших целей. Примите мои извинения, если это в какой-то степени делает меня ненадежной союзницей.

– Понимаю, – кивала англичанка. – На вашем месте, мадам Де Ла Серр, я бы употребила все свое влияние на обе стороны, чтобы предложить им ваш третий путь.

– Мне бы не хотелось дальше говорить на эту тему, но смею вас уверить: ваш приезд сюда не был напрасным. Мое уважение к вам и всей британской ветви ордена остается непоколебимым. Надеюсь, что это взаимно. А на меня вы можете рассчитывать в следующем. Во-первых, я и дальше буду придерживаться своих принципов. Во-вторых, я не допущу, чтобы советники мужа влияли на него и его действия.

– В таком случае я получила все, что хотела.

– Отлично. Надеюсь, это послужит вам хоть каким-то утешением.

Мэй, шедшая рядом, наклонилась ко мне и спросила:

– Родители уже рассказали тебе о предназначении?

– Нет. А что такое «предназначение»?

Она поднесла руку к губам, делая вид, будто сболтнула лишнее.

– Возможно, расскажут, когда тебе исполнится десять. Как мои рассказали мне. Кстати, сколько тебе лет?

– Шесть, – вздохнула я.

– Вот когда подрастешь и тебе будет десять, они, наверное, и расскажут. Мои сделали именно так.

Но в замыслы родителей вмешалась судьба, и им пришлось рассказать мне о моем «предназначении» намного раньше, потому что через пару лет – осенью 1775 года, – когда мне исполнилось восемь, мы с мамой отправились покупать обувь.

3

Помимо замка в Версале у нас есть большой особняк в Париже, и всякий раз, когда мы приезжаем в столицу, мама с удовольствием отправляется по магазинам.

Я уже писала, что мама терпеть не могла вееров и париков, избегала пышности и вычурности в покрое платьев, но у нее существовала одна слабость.

Туфли. Мама их обожала. Она покупала шелковые туфли в парижском магазине Кристиана с завидной регулярностью: раз в две недели. Мама говорила, что это ее единственная причуда, ставшая и моей, поскольку всякий раз мы уходили из магазина не с одной, но с двумя парами туфель.

Лавка Кристиана находилась на одной из оживленных парижских улиц, довольно далеко от нашего особняка на острове Сен-Луи. Но расстояние – понятие относительное. Нам с мамой помогли выйти из удобной, вкусно пахнущей кареты. Я затаила дыхание, очутившись на шумной и людной улице.

Слышались крики. По булыжникам громко цокали копыта лошадей. Неумолчно гремели колеса повозок. Звуки Парижа.

Из открытых окон верхних этажей, уложив руки на подоконник, высовывались женщины – поглазеть на окружающий мир. Вдоль улицы стояли лотки, торговавшие фруктами и тканями. Ехали тележки, доверху нагруженные разными товарами. Их толкали мужчины и женщины в одинаковых фартуках.

– Мадам! Мадемуазель! – окликали нас отовсюду.

Оба края улицы тонули в тени, притягивая мой взгляд. Я смотрела на лица, мелькающие в сумраке, и воображала, что вижу голод и отчаяние в глазах тех, кто смотрел на нас, как мне казалось, с упреком.

– Идем, Элиза, – одернула меня мама.

Подражая ей, я приподняла подол своего платья и изящной походкой, аккуратно обходя грязь и человеческие испражнения, направилась к дверям магазина. Хозяин вышел нам навстречу и провел внутрь.

Дверь закрылась, отсекая внешний мир. К нам с тряпкой в руках подскочил слуга, который тщательно отер нашу обувь. Вскоре уже ничто не напоминало о нескольких метрах рискованного пути, проделанного нами от кареты до дверей одного из самых модных и дорогих обувных магазинов Парижа.

Кристиан носил белый парик, стянутый черной ленточкой, сюртук и светлые бриджи. Полуаристократ и полулакей – именно таким он видел себя на социальной лестнице. Кристиан обожал повторять, что может заставить любую женщину почувствовать себя красивой и что это величайшая сила, данная мужчине. Но мама для него оставалась загадкой. Она была единственной из покупательниц, на которую магия Кристиана действовала лишь отчасти. Другие женщины воспринимали туфли как дань собственному тщеславию, а маму восхищало изящество самой обуви.

Но Кристиан этого не понимал, и потому каждый мамин визит показывал тщетность его стараний разгадать тайну этой женщины.

– Вы только взгляните, мадам. – Кристиан выставил на прилавок туфельки, украшенные пряжками. – Каждая женщина, входящая в эту дверь, ощущает слабость в коленях, стоит ей только взглянуть на новый шедевр обувного искусства. Но всю красоту и изящество этих туфель могут подчеркнуть только ножки мадам Де Ла Серр.

– Какие легкомысленные слова, Кристиан, – улыбнулась мама.

Властно махнув рукой, она прошла мимо хозяина к другим полкам. Я украдкой посмотрела на продавца, но не смогла ничего прочесть по его взгляду и последовала за мамой.

Выбирала она быстро. Мама делала это с уверенностью, всякий раз ошеломлявшей Кристиана. Будучи постоянной маминой спутницей, я замечала перемену в ней, когда она выбирала себе обувь. Легкость движений. Улыбку, обращенную ко мне. Мама надела вторую туфлю и полюбовалась отражением своих красивых ног в зеркале под оханье и глупые бормотания Кристиана. Он говорил, что каждая туфля – незаконченное произведение искусства, которому мамина нога придает завершающий штрих.

Мы выбрали себе туфли. Мама распорядилась насчет оплаты и доставки, после чего Кристиан проводил нас до двери. Мы вышли на улицу, где...

Не увидели ни нашего кучера Жана, ни кареты.

– Мадам, – озабоченно произнес Кристиан.

Чувствовалось, мама несколько оторопела. Чуть насупившись, она оглянулась по сторонам.

– Не волнуйтесь, Кристиан, – весело проговорила она, успокаивая владельца магазина. – Наша карета немного запаздывает, только и всего. Мы подождем ее возвращения, а пока насладимся красками и звуками Парижа.

Меж тем начинало темнеть. Воздух сделался прохладнее и гуще, чему способствовал вечерний туман.

– Мадам, об этом не может быть и речи. Вам нельзя ждать на улице, – возразил испуганный Кристиан.

Мама одарила продавца легкой улыбкой:

– Кристиан, вы боитесь, что улица дурно подействует на мои тонкие чувства?

– Это опасно, – возразил хозяин магазина и с легкой брезгливостью добавил: – И потом, эти люди.

– Да, Кристиан, это просто люди. – Мама произнесла эту фразу так, словно делилась с продавцом величайшим секретом на свете. – А теперь, пожалуйста, возвращайтесь в магазин. К вам зашла покупательница. Ей, как и мне, приятно провести время в обществе самого внимательного и обходительного из всех парижских торговцев обувью. И я уверена, ей не захочется тратить драгоценные минуты, видя, как вы разрываетесь между ней и двумя особами, ожидающими своего нерадивого кучера.

Кристиан знал: моя мама редко меняет принятые решения. И в магазине у него действительно находилась покупательница. Он больше не пытался возражать, поклонился, пробормотал слова прощания и вернулся к своим обязанностям. Мы с мамой остались вдвоем на улице, с которой исчезли все повозки. Прохожие растворялись в густом тумане, и их фигуры лишались четкости очертаний.

– Мама, – прошептала я, стискивая ее руку.

– Тебе нечего бояться, Элиза, – ответила мама, решительно поднимая голову. – Мы найдем карету и поедем в Версаль.

– Значит, мы не вернемся в наш особняк?

– Нет. – Мама о чем-то раздумывала, слегка покусывая губу. – Нам будет лучше отправиться в Версаль.

Мама изменилась: стала напряженной и очень внимательной. Она повела меня по улице, совсем неподходящей для наших длиннополых платьев и шляпок. Мы остановились у витрины магазина. Мама достала из сумочки пудреницу и

посмотрелась в зеркальце.

Потом мы отправились дальше. Из ситуации, в которой мы оказались, мама решила извлечь полезный урок для меня.

– Элиза, придай лицу бесстрастное выражение. Не показывай своих истинных чувств, особенно если это тревога и беспокойство. Не выгляди торопливой. Сохраняй внешнее спокойствие. Управляй собой. – Прохожих на улицах становилось все меньше. – Мы скоро доберемся до площади. Там стоят наемные экипажи. Однако вначале я должна кое-что тебе рассказать. Когда я с тобой разговариваю, не поворачивай голову в мою сторону и вообще не показывай, что слушаешь меня. Тебе понятно?

– Да, мама.

– Прекрасно. Нас преследует какой-то человек в плаще и высокой фетровой шляпе. Он идет за нами от самых дверей магазина Кристиана.

– Зачем? Зачем этот человек нас преследует?

– Хороший вопрос, Элиза. Ответ на него я и пытаюсь получить. А пока идем дальше.

Мы остановились возле витрины другого магазина.

– Судя по всему, наш «хвост» исчез, – задумчиво сказала мама.

– Так это же хорошо, – ответила я со всей наивностью моей незамутненной восьмилетней души.

Однако мамино лицо продолжало выглядеть обеспокоенным.

– Нет, моя дорогая, это совсем не хорошо. Я бы предпочла, чтобы он оставался у меня на виду. А теперь я вынуждена гадать: либо он действительно исчез, либо – и второе кажется мне более вероятным – помчался вперед, намереваясь отрезать нам дорогу к площади. Он рассчитывает, что мы пойдем по главной улице, которая туда ведет. Но мы, Элиза, его перехитрим и отправимся другим

путем.

Мы свернули на улицу, что была уже прежней, а оттуда – в длинный и довольно темный переулок. Лишь у входа в него и в дальнем конце горело по фонарю.

Где-то на середине пути прямо перед нами из тумана появилась фигура человека. Я поняла: мама допустила ошибку.

4

У него было худощавое лицо, обрамленное локонами почти белых волос. Он напоминал щеголеватого, но явно обедневшего доктора в поношенном черном плаще и потертой высокой шляпе. Из-под воротника плаща выбивались кружева рубашки.

При нем был докторский саквояж, который незнакомец опустил на землю и открыл одной рукой, безотрывно глядя на нас с мамой. Из саквояжа он извлек нечто длинное и искривленное.

Затем, улыбаясь, незнакомец выхватил из ножен кинжал, лезвие которого зловеще сверкнуло в темноте.

– Не отходи от меня, – шепнула мама. – Все будет хорошо.

Я поверила, поскольку в свои восемь лет в принципе доверяла своей матери и еще не забыла, как она расправилась с тем волком.

Но тем не менее прогнать страх из своих коленей мне не удалось.

– Что вам угодно, месье? – спокойно спросила мама.

Он не ответил.

– Прекрасно. В таком случае мы вернемся туда, откуда пришли, – теперь уже громко произнесла мама.

Она взяла меня за руку, намереваясь повернуться и уйти.

У входа в переулок мелькнула тень, и в оранжевом пятне света появилась вторая фигура. Это был фонарщик, о чем свидетельствовал шест в его руках.

– Месье, – остановившись, осторожно обратилась к нему мама. – Могу я попросить вас о помощи? Этот господин не дает нам проходу.

Но вторая фигура лишь молча направилась к фонарному столбу и подняла шест.

– Месье... – повторила мама и вдруг умолкла.

Я не понимала, почему фонарщик пытается зажечь уже горящий фонарь. Слишком поздно я заметила на конце шеста крюк, каким обычно гасили фитили.

– Месье...

У входа в переулок стало темно. Мы слышали, как громко клацнул о тротуар брошенный шест. Когда глаза привыкли к темноте, я увидела: фонарщик что-то вытащил из-за пазухи. Кинжал. Теперь и он сделал шаг в нашу сторону.

Мамина голова вновь повернулась к доктору:

– Что вам угодно, месье?

В ответ тот вытянул другую руку. Что-то щелкнуло, и прямо из его рукава появилось лезвие второго кинжала.

– Ассасин, – тихо произнесла мама, с улыбкой следя за его движениями.

С противоположной стороны к нам приближался фонарщик. Во всяком случае, мы видели его хищно изогнутые губы и сощуренные глаза. Повернувшись в другую сторону, мама увидела доктора, вооруженного двумя кинжалами, губы

которого также скривила ухмылка. Он наслаждался происходящим или, по крайней мере, делал вид, что наслаждается.

Но мама оказалась столь же невосприимчивой к его злым намерениям, как до этого – к комплиментам Кристиана. Следующее ее движение по изяществу было похоже на танцевальное па. Выставив ногу вперед, мама наклонилась, и... в ее руке сверкнул нож, вытасченный из сапога. Все это произошло в одно мгновение.

Еще секунду назад мы были жертвами: беззащитная женщина с малолетней дочерью, застигнутые злоумышленниками врасплох в темном переулке, – и вот уже мать переходит в нападение, готовая защитить своего ребенка. Судя по ее движениям и нынешней позе, она хорошо умела обращаться с оружием.

У доктора блеснули глаза. Фонарщик остановился. Оба получили время на раздумья.

Нож мама держала в правой руке. Это меня удивило, поскольку она была левой. Мама повернулась правым плечом к доктору.

Тот шагнул к нам навстречу, и тут мама мгновенно перебросила нож из правой руки в левую. Подол ее платья колыхнулся. Мама пригнулась, вытянув для равновесия правую руку, а левой полоснула доктора по груди. Мамин нож ровно, словно ножницы портного, разрезал его плащ, и ткань тут же пропиталась кровью.

Доктор был ранен, но неглубоко. Его глаза округлились. Он попятился назад, явно ошеломленный искусностью маминой атаки. К моему собственному страху примешалось другое чувство – чувство гордости и восхищения. Никогда еще я не ощущала себя под такой надежной защитой.

Доктор потерпел неудачу, однако не утратил решимости. Он поглядывал за наши спины. Мама обернулась, но было слишком поздно. Рука подкравшегося фонарщика обхватила меня за шею, сдавив горло.

– Брось нож, иначе... – начал фонарщик.

Это все, что он успел произнести, потому что уже через мгновение был мертв.

Мамина скорость застигла его врасплох: не столько быстрота движений, сколько быстрота принятия решения. Сумей фонарщик взять меня в заложницы, все было бы потеряно. Внезапность атаки обеспечила ее успех. Мама протиснулась в щель между мной и фонарщиком, а потом с криком ударила его локтем по горлу.

Фонарщик издал булькающий звук. Рука, державшая меня за шею, ослабла. Не теряя ни секунды, мама вонзила нож фонарщику в живот по самую рукоятку и оттолкнула обмякшее тело к стене. Потом она рывком извлекла нож и быстро отошла. Блуза фонарщика потемнела от крови и разбухла от вывалившихся внутренностей. Он сполз на камни тротуара.

Тяжело дыша, мама повернулась в сторону доктора, ожидая второй атаки, но мы увидели только его спину. Доктор стремительно убежал из переулка.

Мама взяла меня за руку:

– Идем, Элиза, пока ты не перепачкала туфли в крови.

5

Мамина одежда вся была в красных пятнах. Кроме них, ничто в ее облике не выдавало участия в недавней схватке.

Вскоре после нашего возвращения в Версаль послали за во?ронами. Они не замедлили явиться. Отцовские советники ожесточенно стучали о пол тростями, сопели, пыхтели и громогласно требовали наказания «ответственных за случившееся». Слуги суетились, делая вид, что занимаются своим делом, но больше сплетничали по углам. Лицо отца было мертвенно-бледным. Он порывисто обнял нас обеих. Его объятия были крепче и дольше обычного. Когда он разжал руки, в его глазах блеснули слезы.

Одна лишь мама держалась так, словно ничего не случилось. Уравновешенная, знающая, что поступила правильно. Конечно правильно. Благодаря ей мы остались живы. Но может, и она, подобно мне, испытывала внутреннее возбуждение?

Пока мы ехали в наемной карете, мама давала мне наставления, как вести себя дома. Она сказала, что меня обязательно станут расспрашивать о случившемся, и предупредила: я должна подтвердить все, что она скажет, и ни в чем ей не перечить.

Я была усердной слушательницей маминих рассказов. Вначале она поведала о происшествии старшему дворецкому Оливье, затем отцу, когда тот пришел, и, наконец, слетевшимся во?ронам. Все ее версии изобиловали множеством подробностей. Мама терпеливо отвечала на вопросы, которыми ее забрасывали, однако стойко умалчивала об одной очень важной детали. Она ничего не сказала о докторе.

– Вы не увидели скрытого клинка? – допытывались у нее.

– Я не видела ничего, что позволяло бы причислить нападавших к ассасинам, – отвечала мама.

– Обычные уличные грабители не так предусмотрительны. Вряд ли вы считаете пропажу кареты простым совпадением. Можно допустить, что Жан вдруг взял и напился, но вероятнее другое. Вашего кучера напоили и, возможно, даже убили. Нет, мадам, происшедшее совсем не похоже на обычный уличный грабеж. Это было продуманное нападение именно на вас. Проявление агрессии наших врагов.

Глаза взрослых устремились ко мне. Вскоре меня вежливо выпроводили из комнаты. Я ушла, но не дальше коридора, где уселась на скамейку и продолжала слушать голоса, доносящиеся из-за двери. Они отскакивали от мраморного пола, устремляясь мне в уши.

– Великий магистр, вы должны признать, что это было делом рук наемных убийц, ассасинов.

(Даже я понимала, что это было делом рук «наемных убийц», и мысленно возражала: «Глупец, конечно, это устроили именно они. Или, по меньшей мере, кто-то с ними связанный».)

– Как и моя жена, я не стану делать поспешные выводы, – отвечал отец.

- Однако вы распорядились усилить охрану замка.
- Распорядился, друг мой. Предосторожность не бывает излишней.
- Мне думается, великий магистр, в глубине сердца вы понимаете, что? это означает.
- И если даже так? – возвысил голос отец. – Что, по-вашему, я должен сделать?
- Разумеется, предпринять немедленные действия.
- И на что они будут направлены? На защиту чести моей жены или на свержение короля?
- То и другое явилось бы посланием нашим противникам.

Пока отец совещался с во?ронами, замок потрясла ужасная весть: Жана обнаружили в каком-то переулке с перерезанным горлом. Я вздрогнула, словно от внезапного сквозняка. Потом заплакала. Не только по Жану, но, как ни стыдно в этом признаваться, и по себе. Я видела и слышала, как замок наполняется страхом и отчаянием. Из помещений для слуг доносился плач. Голоса во?ронов снова зазвучали возбужденно: в убийстве Жана советники видели подтверждение своих догадок.

И вновь отец их утихомирил. Выглянув в окно, я заметила на дорожках и лужайках людей, вооруженных мушкетами. Все были крайне взволнованы. Отец без конца заключал меня в объятия. Так продолжалось, пока меня не начало воротить от отцовской заботливости. Тогда я стала вырываться из его рук.

6

- Элиза, мы должны кое-что тебе рассказать.

Кем бы ты ни был, читатель моего дневника, ты наверняка с нетерпением ждал этого момента. Момента, когда «до меня наконец дошло»; когда я поняла, почему меня просят хранить так много veritees cachees. В тот вечер я узнала, почему советники моего отца называют его великим магистром, кто такие тамплиеры и почему слово «ассасин» означает не только наемного убийцу, но и название ордена наших противников.

Родители позвали меня в отцовский кабинет. Отец велел поставить три стула возле очага, а потом приказал всем слугам удалиться. Он оставался стоять. Мама же села, сложив руки на коленях и наклонившись вперед. Она подбадривала меня одним только взглядом. Мне вспомнился случай из раннего детства, когда я сильно занозила палец. Мама тогда держала меня, нашептывая утешительные слова и не давая мне разреветься, а отец ловко и быстро извлек занозу.

– Элиза, – начал он, – то, о чем мы собираемся рассказать, ты должна была узнать не раньше, чем когда тебе исполнится десять лет. Но сегодняшние события наверняка породили в твоей голове множество вопросов. Мама полагает, что тебе вполне можно довериться. Поэтому... начнем.

Я взглянула на маму. Она взяла мою руку, широко и ободряюще улыбаясь.

Отец откашлялся.

Вот так. Всем туманным представлениям о моем будущем, какие имелись у меня до сих пор, было суждено измениться.

– Элиза, однажды ты станешь главой французской ветви международного тайного ордена, история которого насчитывает сотни лет, – говорил отец. – Ты, Элиза Де Ла Серр, станешь великим магистром ордена тамплиеров.

– Великим магистром ордена тамплиеров? – переспросила я, недоуменно глядя на каждого из родителей.

– Да.

– Французской ветви?

– Да. В настоящее время этот пост занимаю я. Твоя мама тоже занимает высокое положение в ордене. Все мои советники, включая госпожу Левек, – рыцари нашего ордена. Их усилия направлены на сохранение наших догматов.

Я слушала, ничего не понимая из объяснений отца. Меня удивляло: если эти рыцари занимаются общим делом, почему же тогда на каждой встрече они кричат друг на друга? Однако спросила я о другом:

– Кто такие тамплиеры?

Отец указал на себя и маму, затем очертил в воздухе круг, включив туда и меня.

– Все мы, – ответил он. – Мы – тамплиеры. Мы стремимся сделать мир лучше, чем он есть.

Эти слова мне понравились. Сделать мир лучше, чем он есть.

– А как вы это делаете, папа?

– Хороший вопрос, Элиза, – улыбнулся он. – Как и в любой крупной организации, существующей не один век, в нашем ордене есть разные мнения по поводу наилучшего достижения наших целей. Одни считают, что мы должны жестоко сопротивляться всем, кто противится нам. Другие верят в мирное распространение наших воззрений.

– Кто они такие, папа?

Он пожал плечами:

– У нас есть девиз: «Да направит нас отец понимания». Видишь ли, тамплиерам известно: вопреки всем призывам и увещаниям, люди не хотят пользоваться настоящей свободой и брать на себя настоящую ответственность. То и другое – слишком непосильная ноша для их плеч. Выдержать ее способны лишь те, кто необычайно силен и крепок разумом.

Мы считаем людей изначально хорошими, но легко поддающимися чужому влиянию, которое уводит их на путь злодеяний, лени и испорченности. Им

требуются умелые и опытные вожди, способные повести за собой. Те, кто не станет играть на их отрицательных качествах, но будет возвращать положительные. По нашему мнению, это может способствовать поддержанию мира.

Я буквально чувствовала, как отцовские слова раздвигают мои жизненные горизонты.

- Вы надеетесь повести за собой народ Франции, отец? - спросила я.

- Да, Элиза. Надеемся.

- Как именно?

- А ты сама как думаешь?

В голове у меня стало пусто. Что думала я сама? Таких трудных вопросов мне еще не задавали. Я не знала, что и думать. Отец смотрел на меня по-доброму, однако я понимала: он ждет ответа. Я перевела взгляд на маму. Та ободряюще сжала мне руку. Ее глаза умоляли меня не робеть. И тогда я поняла, что? мне надо говорить. Мои убеждения сложились из слов, слышанных ранее в разговорах мамы с мистером Уэзероллом и миссис Кэрролл.

- Месье, я считаю, что наш нынешний король непоправимо испорчен. Его правление отравило все животворные воды Франции. Поэтому, чтобы восстановить веру народа в монархию, короля Людовика следует сместить.

Мой ответ застал отца врасплох. Ошеломленный, он вопросительно посмотрел на маму. Та лишь пожала плечами. «Я тут ни при чем», - говорил ее жест, хотя слова, что я произнесла, я слышала именно от нее.

- Понятно, - пробормотал отец. - Твоей матери, Элиза, наверняка приятно слышать, что у тебя сложились такие воззрения, поскольку здесь мы с ней расходимся во мнении. Как и ты, мама верит в перемены. Я же считаю, что правителя страны назначает сам Бог, и верю, что даже испорченного правителя возможно заставить увидеть всю порочность и ошибочность его действий.

Мама снова пожала плечами, получив от отца еще один вопросительный взгляд.

– Папа, но ведь тамплиеры есть и в других странах? – поспешила спросить я.

– Да, они есть везде, – кивнул он. – Есть те, кто служит ордену. Есть просто поддерживающие наши цели. Но как вы с мамой сегодня убедились, у нас есть и враги. Я уже говорил, что история нашего ордена уходит в глубь веков. Мы стремились и стремимся преобразить мир согласно нашим идеалам. Однако существует и противоборствующий орден, у которого свои представления и немало приверженцев. Если мы надеемся избавить добропорядочных людей от ответственности выбора и стать их вождями, то наши противники ратуют за хаос и поощряют анархию, настаивая, что человек должен думать и принимать решения самостоятельно. Они убеждают отринуть традиционные способы мышления, которые тысячелетиями надежно вели человечество, и принять их воззрения на свободу. Орден этот называется орденом ассасинов. Мы считаем, что сегодня на вас напали именно его члены.

– Но, месье, я слышала, как вы говорили, что не уверены...

– Я так сказал лишь затем, чтобы остудить воинственный пыл кое-кого из наиболее горластых членов нашего ордена. Однако я уверен: на вас напали именно ассасины. Только у них могло хватить дерзости убить Жана и покуситься на жизнь жены великого магистра. Несомненно одно: они надеются внести смятение в наши ряды. Сегодня им этого не удалось. Мы должны позаботиться о том, чтобы и впредь их попытки оканчивались провалом.

– Да, отец, – кивнула я.

– Наверное, мамино поведение в минуты опасности тебя очень удивило? – взглянув на свою супругу, спросил он.

Ничуть не удивило. Особенно после истории с волком, о которой я обещала молчать.

– Да, месье, – ответила я, поймав на себе мамин взгляд.

– Существуют навыки, которыми должны обладать все тамплиеры. Наступит день, когда нас поведешь ты. Но прежде ты пройдешь посвящение в орден, а еще раньше познакомишься с нашим учением. И не только. С завтрашнего дня ты начнешь обучаться военному искусству.

И вновь я поймала мамин взгляд. Я уже умела владеть оружием. Мои уроки начались более года назад. Мама слегка покраснела.

– Понимаю, Элиза, – продолжал отец. – Возможно, на твои плечи ложится слишком много. Возможно также, что до сих пор ты считала свою жизнь похожей на жизнь сверстниц. Тебя ждет совсем другое будущее. Я лишь надеюсь, что это не станет для тебя источником тревог. Я надеюсь, ты воспользуешься открывающимися возможностями и направишь их на выполнение твоего предназначения.

Мне всегда казалось, что я не похожа на сверстниц. Теперь я это знала наверняка.

7

Следующим утром Рут помогла мне одеться для прогулки. Нянька суежилась, не скрывая своего недовольства, и бубнила под нос, что мне нельзя так рисковать после вчерашнего. Мы ведь только чудом спаслись от злодея. Если бы не таинственный господин, случайно проходивший мимо и спугнувший грабителя, наши с мамой жизни вполне могли оборваться в том переулке.

Такова была версия вчерашнего происшествия, рассказанная слугам. Повсюду вранье, повсюду тайны. Меня будоражило сознание того, что только я и мама (и, возможно, еще этот странный доктор) знаем всю правду о вчерашних событиях. Не было никакого «таинственного господина»; это моя мама вступила в поединок с обоими злодеями. И лишь очень немногим известно, чем в действительности занимается наша семья и какое место в этих занятиях отведено мне.

Этим утром я проснулась с ощущением, что в моей жизни взошло солнце. Наконец-то все *veritees cachees*, которые мне велели хранить в тайне, обрели смысл. Наконец-то я узнала, почему наша семья так разительно отличается от других семей и почему мне никогда не удавалось подружиться со сверстниками. Все дело в моем предназначении, которое с ранних лет вело меня совсем иным путем.

Я вспоминала самые лучшие слова, услышанные вчера.

– Мама будет твоей наставницей во всем, – сказал отец, тепло улыбнувшись своей супруге.

Мама, словно зеркало, отражала мне его любовь.

– Пожалуй, не во всем, – продолжая улыбаться, поправил себя отец. – Думаю, в вопросах идеологии Элизе лучше прислушиваться к словам ее отца и великого магистра.

– Франсуа, девочка должна решать сама, – с упреком проговорила мама. – И сделанные выводы должны быть ее собственными.

– Любовь моя, почему меня не оставляет ощущение, что сегодняшние события не слишком-то удивили Элизу?

– А о чем, по-твоему, я говорю с ней во время наших прогулок?

– Наверное, о... туфлях?

– Порой мы действительно обсуждаем фасоны туфель, но невозможно же все время говорить только о них!

Отец понял и растерянно покачал головой, удивляясь собственной невнимательности. Оказалось, он не замечал того, что происходило у него под самым носом.

– Так Элиза уже знала об ордене? – спросил он маму.

– Напрямую – нет, хотя могу сказать: наша дочь была вполне готова к подобным откровениям.

– А как насчет оружия?

– Да, я немного поучила ее и этому.

Отец жестом велел мне встать.

– Сейчас проверим, умеешь ли ты защищаться.

Он встал в позицию, вытянул правую руку. Оружие ему заменял указательный палец.

Я продемонстрировала, чему меня уже успели научить. Отец восхищенно поглядел на маму, затем обошел вокруг меня, разглядывая мою оборонительную стойку. Его лицо удовлетворенно сияло, и я купалась в этом сиянии.

– Правша, вся в отца, – усмехнулся он. – Я думал, ты будешь левшой, как твоя мама.

Я слегка качнулась в коленях, проверяя равновесие. Отец снова улыбнулся:

– Жюли, мне кажется или некий англичанин действительно приложил руку к обучению нашей дочери?

– Да, мистер Уэзеролл помогал мне, давая Элизе дополнительные уроки, – беззаботным тоном ответила мама.

– Понятно. А я-то думал, чего это он зачастил в наш замок... Скажи, он до сих пор сохнет по тебе?

– Франсуа, ты меня смущаешь, – упрекнула своего супруга мама.

(Тогда я, естественно, не понимала смысла родительских слов. Зато теперь понимаю. Минувшей ночью я видела, насколько сломлен мистер Уэзеролл.

Теперь я очень хорошо понимаю, о чем они говорили.)

Отец сделался серьезным.

- Ты же знаешь, Жюли, я доверяю тебе во всем. Если ты взялась обучать нашу девочку раньше времени, я готов поддержать тебя и в этом. Если это помогло Элизе не испугаться во время вчерашнего нападения и сохранить хладнокровие, раннее обучение более чем оправданно. Но в один прекрасный день Элиза станет великим магистром. Она пойдет по моим стопам. Пусть во всем, что касается умения сражаться и тактики, она остается твоей подопечной. Но в вопросах идеологии Элиза должна быть моей ученицей. Это понятно?

- Да, Франсуа, - ласково улыбнулась мама. - Это понятно.

Мы с мамой переглянулись. Еще один молчаливый *verite cache*.

8

Итак, оставив наконец Рут с ее ненужным беспокойством о моей судьбе, я поспешила в вестибюль замка, готовая отправиться с мамой на прогулку.

- Жюли, я настоятельно прошу тебя взять с собой Царапку и охрану, - властно, тоном, не допускающим возражений, произнес отец.

- Обязательно, - ответила мама и кому-то махнула.

Сегодня наш замок показался мне более людным, чем обычно.

Человеком, которого подозвала мама, оказался мистер Уэзеролл. Мгновение они с отцом внимательно разглядывали друг друга, затем англичанин поклонился, и они обменялись рукопожатием.

- Мы с Франсуа рассказали Элизе о ее будущем, - пояснила мама.

Мистер Уэзеролл перевел взгляд на меня и кивнул. Он снова поклонился и поцеловал мне руку, отчего я почувствовала себя принцессой.

– Итак, юная Элиза, теперь ты знаешь, что однажды возглавишь французских тамплиеров. Какие чувства вызывает у тебя эта новость? – спросил мистер Уэзеролл.

– Я вся в предвкушении, месье, – ответила я.

– Готов побиться об заклад, так оно и есть.

– Франсуа догадался, что Элиза уже потихоньку обучается, – пояснила мама.

Мистер Уэзеролл вновь повернулся к отцу:

– Да. Надеюсь, мое наставничество не оскорбляет великого магистра?

– Я вчера уже говорил жене, что в подобных делах целиком ей доверяю. А с вами, Фредди, они обе в надежных руках.

Подошедший Оливье почтительно держался в стороне, пока отец не подозвал его. Старший дворецкий прошептал что-то ему на ухо. Отец кивнул.

– Дорогая, мне нужно идти, – сказал он. – Наши «друзья» явились с утренним визитом.

Он, естественно, имел в виду во?ронов. Опять поднимут крик. Странно, но то, о чем я узнала, позволило мне увидеть отца в новом свете. Теперь он был не просто моим отцом, не просто мужем моей матери. Я поняла, насколько он занят и какая ответственность лежит на нем. Он должен был постоянно уделять внимание тому или иному делу. Его решения меняли ход человеческих жизней. С во?ронами мы встретились у дверей. Они вежливо приветствовали маму и мистера Уэзеролла, тут же заполонив собой вестибюль. Там вдруг сделалось очень шумно. Снова зазвучали требования отомстить за вчерашнее нападение. Гибель Жана не должна оказаться напрасной – так считали папины советники.

Мы трое вышли наружу и прошли некоторое расстояние, прежде чем мистер Уэзеролл заговорил.

– Элиза, что ты чувствуешь на самом деле теперь, когда знаешь свою судьбу? – спросил он.

– Как я уже говорила там, при папе, я вся в предвкушении.

– И тебе ни капельки не страшно? Представляешь, какая ответственность тебя ждет?

– Мистеру Уэзероллу кажется, что ты еще слишком молода, чтобы знать свое предназначение, – пояснила мама.

– А мне так не кажется. Я жду не дождусь узнать, что? приготовила мне судьба. – (Англичанин кивнул, словно его вполне устраивал такой ответ.) – И еще, месье, я бы хотела почаще упражняться с мечом, – добавила я. – Ведь теперь не надо таиться.

– Именно так. Мы поработаем над твоим умением парировать удары и прикрываться от них. Потом ты покажешь свои навыки отцу. Думаю, он с удивлением узнает, какой опытной фехтовальщицей ты успела стать. Возможно, однажды ты научишься сражаться лучше твоих родителей.

– В этом, месье, я сомневаюсь.

– Фредди, прошу, не забивай девочке голову столь странными идеями.

Мама слегка толкнула меня в бок и шепотом добавила:

– Хотя, между нами говоря, мистер Уэзеролл может оказаться прав.

Лицо англичанина внезапно стало серьезным.

– Быть может, теперь поговорим о вчерашнем происшествии?

- Это было покушение на нашу жизнь.

- Я лишь сожалею, что меня там не было.

- Но и без тебя, Фредди, мы сумели справиться с нашими противниками. Элиза если и испугалась, то лишь чуть-чуть. Держалась она превосходно и...

- А ты вела себя как львица, защищающая свое потомство?

- Я лишь сделала то, что любой бы сделал на моем месте, окажись он в подобной ситуации. Жаль только, что один из нападавших скрылся.

Мистер Уэзеролл остановился:

- Погоди. Один из нападавших? Их было несколько?

- Двое, - ответила мама, внимательно посмотрев на англичанина. - Второй был куда опаснее первого. Он намеревался пустить в ход скрытый клинок.

Лицо мистера Уэзеролла выражало крайнюю степень удивления.

- Так, значит, нападавшие и в самом деле были ассасинами?

- Сомневаюсь.

- Сомневаешься? Почему?

- Он убежал. Фредди, ты когда-нибудь слышал, чтобы ассасин убежал с поля боя?

- Они всего лишь люди, а ты - опасная противница. Пожалуй, на его месте я бы тоже убежал. С этим твоим ножичком, который ты держишь за голенищем, ты способна превращаться в настоящую дьяволицу.

Мама покраснела:

– Могу заверить, Фредди, что твое лестное замечание не осталось незамеченным. Но в этом человеке было что-то странное. Все какое-то... показное. Скрытый клинок подтверждает его принадлежность к ордену. Но настоящий ли он ассасин?

– Нужно его найти и расспросить.

– Обязательно.

– Расскажи, как он выглядел, – попросил мистер Уэзеролл.

Мама дала словесный портрет доктора.

– Это еще не все.

– Неужели? – удивился мистер Уэзеролл.

Мы пошли в сторону живых изгородей. Убегая, доктор оставил свой саквояж, который мы захватили с собой и надежно спрятали, прежде чем вернуться в замок. Теперь, достав его, мама подала трофей мистеру Уэзероллу.

– Говоришь, убегая, он оставил свой саквояж?

– Да. В нем доктор принес скрытый клинок. Больше внутри ничего нет.

– Ничего, что позволило бы нам определить личность этого человека?

– Только одна мелочь... Открой его, Фредди. Видишь ярлык?

– Саквояж изготовлен в Англии, – удивленно произнес мистер Уэзеролл. – Неужели нападавший был английским ассасином?

Мама кивнула:

– Возможно. Очень даже возможно. Как ты думаешь, у англичан есть основания желать моей смерти? Я ведь ясно дала понять миссис Кэрролл, что

поддерживаю смену правителя.

- Но одновременно ты противишься кровопролитию.

- Конечно. Мне казалось, что миссис Кэрролл сочла это достаточным для ее ордена. Хотя, возможно, я ошибалась.

- Сам не понимаю, - покачал головой мистер Уэзеролл. - Даже если временно забыть о моей преданности своей нации, я не вижу, какая им в этом выгода. Они должны осознавать, что ты - та сила, что поддерживает равновесие внутри ордена тамплиеров. И твое убийство было бы чревато нарушением этого баланса.

- Возможно, кто-то сознательно готов пойти на такой риск. В любом случае английский саквояж доктора - единственная зацепка, которая у нас есть для установления личности этого ассасина.

Мистер Уэзеролл кивнул.

- Мы его найдем, - пообещал маме ее друг. - Можешь быть в этом уверена.

Этот разговор происходил три года назад. О докторе с тех пор не было ни слуху ни духу. Покушение на наши жизни стало частью истории, как парижские бедняки становятся частью городского тумана.

13 апреля 1778 г

1

Я хочу, чтобы ей стало лучше. Хочу, чтобы настал такой день, когда взойдет солнце и ее служанки, вошедшие, чтобы отодвинуть портьеры, найдут ее сидящей в постели и чувствующей себя «будто родившейся заново». Мне

хочется, чтобы солнце пробилось сквозь портьеры ее комнаты и устремилось в коридоры нашего помрачневшего дома, чтобы выгнало оттуда таящиеся скорбные тени, коснулось отца, возродило его и вернуло мне. Я снова хочу услышать песни и смех, доносящиеся из кухни. Хочу, чтобы кончилась эта сдерживаемая печаль. Хочу снова улыбаться по-настоящему, а не маскируя под улыбку душевную боль, бурлящую внутри.

Сильнее всего я хочу, чтобы мама вернулась. Моя мать, моя учительница, моя наставница. Я не просто этого хочу, я нуждаюсь в ней. Каждый день я неоднократно пытаюсь представить свою жизнь без нее и не могу. У меня нет даже отдаленного представления, как существовать дальше без моей мамы.

Я хочу, чтобы ей стало лучше.

2

А затем, в том же году, я познакомилась с Арно.

Отрывок из дневника Арно Дориана

12 сентября 1794 г

Наши отношения были выкованы в огне смерти – смерти моего отца.

Сколько длились наши нормальные, принятые в обществе отношения? Может, полчаса? Отец взял меня с собой, когда поехал в Версальский дворец по какому-то делу. Попросив меня подождать, он скрылся. Я сидел, болтая ногами, и разглядывал придворную знать, снующую взад-вперед. Словом, я смотрел на кого угодно, только не на Элизу Де Ла Серр.

Ни ее улыбка, которую я так люблю в дальнейшем, ни рыжие волосы тогда не произвели на меня никакого впечатления. И красота, что потом очарует мои взрослые глаза, была невидима глазам мальчишки. Как-никак, мне тогда было всего восемь, а восьмилетние мальчишки не очень-то склонны тратить время на восьмилетних девчонок. Чтобы привлечь мальчишеское внимание, восьмилетняя девчонка должна быть весьма особенной. Как Элиза Де Ла Серр. В ней ощущалась какая-то непохожесть на сверстниц. Хоть она и была девчонкой, я с первых секунд нашей встречи понял, что она заметно отличается от всех девчонок, встречавшихся мне прежде.

Догонялки. Ее любимая игра. Сколько мы потом играли в эту игру как в детском, так и в юношеском возрасте. В каком-то смысле, мы никогда не прекращали в нее играть.

Мы мчались по зеркальным мраморным полам дворца, огибая мебель. Мы неслись по коридорам мимо колонн и пьедесталов. Даже сейчас я ощущаю громаду этого дворца. Его потолки невообразимо высоки, его коридоры тянутся чуть ли не до горизонта, а из массивных сводчатых окон открывается вид на каменные ступени и ожерелье садов.

А тогда? Тогда дворец казался мне бескрайним. Я сознавал, что нахожусь в огромном, незнакомом месте; понимал, что все сильнее нарушаю отцовские распоряжения, и все же не мог противиться азарту новой подружки. Девчонки, которых я встречал прежде, или чинно стояли, недовольно кривя губы на все мальчишеские забавы, или чинно следовали за своими матерями, напоминая русских кукол-матрешек. Они бы не посмели с визгом и хохотом нестись по коридорам Версальского дворца, равнодушные к замечаниям взрослых. Они не понимали, что можно бегать просто так, поскольку тебе нравится сам процесс. Интересно, я влюбился в нее еще тогда?

Я уже начинал волноваться, что не сумею найти дорогу к тому месту, где меня оставил отец, однако еще через мгновение мои волнения утратили смысл. Раздался крик, затем послышался топот бегущих ног. Я увидел солдат с мушкетами, а затем, по чистой случайности, выскочил туда, где мой родитель встретился со своим убийцей. Я успел склониться над отцом, прежде чем его не стало.

Когда же я наконец оторвал взгляд от безжизненного тела, то увидел своего спасителя и будущего опекуна – Франсуа Де Ла Серра.

Отрывки из дневника Элизы де ла Серр

14 апреля 1778 г

1

Сегодня он пришел меня навестить.

- Элиза, отец хочет тебя видеть, - сказала Рут.

В присутствии отца поведение няньки, как и всех остальных слуг, становилось иным. Сделав реверанс, Рут поспешила удалиться.

- Здравствуй, Элиза, - сдавленным голосом произнес он, шагнув в комнату.

Мне вспомнилось, как несколько лет назад мы с мамой вернулись из Парижа, где в темном переулке нас попытались убить. Тогда отец без конца нас обнимал. Меня он обнимал особенно крепко и часто, отчего к концу вечера я уже начала задыхаться и выскользывать из его рук. Сейчас, когда он стоял в моей комнате, больше похожий на гувернера, чем на отца, я бы отдала что угодно за одно из тех объятий.

Он повернулся и некоторое время ходил взад-вперед, заложив руки за спину. Потом остановился у окна. Вряд ли он замечал лужайки, простирающиеся за окном. Я смотрела на его размытое отражение в оконном стекле.

- Хотел узнать, как ты тут, - произнес он, не поворачиваясь ко мне.

- Спасибо, папа, все прекрасно.

Возникла пауза. Мои пальцы теребили складки блузы. Откашлявшись, отец сказал:

- Ты замечательно умеешь скрывать свои чувства, Элиза. Благодаря таким качествам ты однажды станешь великим магистром. Сейчас твоя сила поддерживает покой в нашем доме, а со временем ты употребишь ее во благо ордена.

- Да, отец.

Он снова прочистил горло.

- И тем не менее я хочу, чтобы ты знала: вдалеке от чужих глаз или наедине со мной ты... ты вполне можешь не скрывать своих чувств.

- Тогда, папа, я должна признаться, что страдаю.

Он опустил голову. В оконном стекле его глаза были похожи на темные круги. Я знала, почему отцу трудно смотреть на меня. Я напоминала ему мою маму, его умирающую жену.

- Я тоже страдаю, Элиза. Твоя мама для нас обоих значит целый мир.

(Мне тогда очень хотелось, чтобы отец подошел ко мне, обнял и мы бы с ним разделили общее горе. Но он этого не сделал.

Мне бы нужно было спросить: «Если ты знаешь, как я страдаю, почему же ты столько времени проводишь с Арно, а не со мной?» Но я этого не сделала.)

Еще несколько малозначащих фраз – и отец ушел. Вскоре я услышала, что он отправился на охоту, взяв с собой Арно.

А потом придет врач. Доктора никогда не приносят добрых вестей.

Я воскрешаю в памяти еще один разговор с родителями, произошедший два года назад. Меня позвали в отцовский кабинет. Мама уже ждала меня там. Я редко видела ее такой встревоженной. Оливье попросили удалиться и закрыть дверь, отчего я догадалась, что разговор предстоял серьезный. Отец предложил мне сесть.

- Элиза, мама говорит, что ты делаешь успехи в обучении, - сказал он.

Я радостно закивала, поглядывая на родителей:

- Да, отец. Мистер Уэзеролл говорит, что из меня получится чертовски искусная фехтовальщица.

- Понятно, - пробормотал несколько смущенный отец. - Ты усвоила одно из выражений Уэзеролла. Что ж, я рад это слышать. Ты явно пошла в маму.

- По-моему, и ты, Франсуа, не можешь пожаловаться на отсутствие навыков и проворства, - сказала мама, слегка улыбнувшись.

- Кстати, давненько мы с тобой не состязались.

- Мне следует принять вызов?

Он посмотрел на маму и совсем забыл про серьезный разговор и про меня. Казалось, в кабинете нет никого, кроме моих непривычно игривых отца и матери.

Их веселье оборвалось столь же внезапно, как и вспыхнуло. Внимание родителей вернулось ко мне.

- Ты все больше и больше становишься тамплиером, - сказал отец.

- А когда меня примут в члены ордена? - спросила я.

– Твое обучение завершится в Сен-Сире, в Королевском доме святого Людовика.[4 - Полное название первой в Европе светской закрытой школы для женщин.] Затем ты станешь полноправным членом ордена и тебя начнут готовить к тому, чтобы занять мое место.

Я кивнула.

– Но вначале мы должны кое-что тебе сказать.

Он посмотрел на маму. Лица обоих были серьезными.

– Это касается Арно...

З

Арно к тому времени стал моим лучшим другом. Я любила его больше всех! После родителей, разумеется. Бедняжка Рут. В ней, возможно, еще теплились надежды, что я, повзрослев, вспыхаю интересом ко всем девчоночьим штучкам, столь обожаемым моими сверстницами. Но с появлением Арно моей няньке пришлось оставить эти надежды. Я обзавелся не только безотказным товарищем по играм. Я обзавелся мальчишкой-сверстником. Мечты Рут разбились вдребезги.

Оглядываясь назад, я понимаю, что воспользовалась его непростым положением. Судьба сделала его сиротой. Мой отец взял Арно под свою опеку, а я – неоперившийся тамплиерский птенец и корыстная девчонка – не преминула сделать его «своим».

Мы были друзьями и ровесниками, однако я взяла на себя роль старшей сестры, которую играла со всем пылом. Мне нравилось побеждать Арно в наших игрушечных сражениях на мечях. Для мистера Уэзеролла я была робкой ученицей, которая совершала одну ошибку за другой. Их причиной он называл то, что я позволяла сердцу, а не голове вести меня. Зато в поединках с Арно я чувствовала себя блестящим, опытным бойцом. В других играх: прыжках через скакалку, «классах» и бросании волана – мы были равны. Но в поединках я

всегда одерживала победу.

В хорошую погоду мы бродили по окрестностям нашего замка, подглядывали за Лораном и другими садовниками и «пекли блинчики» на гладкой поверхности озера. Когда лил дождь, мы оставались в замке, играя в нарды, «шарики» или карты. Мы гоняли обручи по громадным коридорам первого этажа или забирались на чердак, где прятались от служанок, а когда те шугали нас, со смехом убегали.

Так текли мои дни. По утрам меня учили, готовя к взрослой жизни и должности великого магистра французских тамплиеров, а днем я забывала про все обязанности и не старалась вести себя как взрослая. Днем я снова превращалась в девчонку. И хотя даже тогда я не решилась бы на признание, я понимала: Арно воплощал в себе мой побег от взрослой жизни.

Разумеется, наша с Арно дружба не была тайной для обитателей замка.

– Никогда еще не видела тебя такой счастливой, – со вздохом признавалась Рут.

– Элиза, вижу, ты в восторге от своего нового товарища по играм? – спрашивала мама.

(Сейчас, глядя, как отец и Арно упражняются во дворе, и слыша, что они вместе ходили на охоту, я думаю: может, мама слегка ревновала меня к этому мальчишке? Ведь в моей жизни появился еще один значимый для меня человек. Сейчас я понимаю, какие чувства испытывала мама.)

Однако мне и в голову не приходило, что моя дружба с Арно окажется причиной для тревог. Так продолжалось, пока я не услышала от родителей, что они должны мне кое-что рассказать о нем.

4

– Арно происходит из семьи ассасинов, – объявил отец.

Моя картина мира слегка накренилась.

- Но... - начала я, пытаюсь соединить в мозгу два образа.

Первый воплощал в себе Арно в башмаках с блестящими пряжками, в жилетке и куртке, палкой гонящего обруч по коридорам замка. Другой - доктора-ассасина из переулка, за чью высокую шляпу цеплялся туман.

- ...ассасины - наши враги.

Родители переглянулись.

- Их цели противоречат нашим, это так, - сказал отец.

Мои мысли лихорадочно неслись.

- Но... но это же значит, что Арно захочет меня убить?

Мама наклонилась ко мне, желая успокоить.

- Нет, дорогая, ни в коем случае не значит. Арно был и остается твоим другом. И хотя Шарль Дориан - его отец - был ассасином, мальчик ничего не знал о своем предназначении. Возможно, потом, когда ему исполнилось бы десять, ему бы рассказали об ордене и его роли в нем. Но случилось так, что Арно переступил порог нашего замка, совершенно не зная, какое будущее готовила ему судьба.

- Тогда Арно - никакой не ассасин. Просто сын ассасина.

И снова родители переглянулись.

- Видишь ли, Элиза, в нем обязательно проявятся унаследованные черты характера. Во многом Арно был, есть и навсегда останется ассасином. Просто он об этом не знает.

- Но если он не знает об этом, мы с ним никогда не будем врагами.

- Все так, - сказал отец. - Мы верим, что надлежащее воспитание способно победить его природу.

- Франсуа... - предостерегающе произнесла мама.

- Отец, я ничего не понимаю, - призналась я, заметив, что маме стало не по себе.

- Если я не ошибаюсь, ты ведь имеешь определенное влияние на Арно? - спросил он.

Я залилась краской. Неужели это было так заметно?

- Возможно...

- Элиза, мальчишка смотрит тебе в рот. Что тут плохого? Приятное зрелище и в высшей степени обнадеживающее.

- Франсуа, - снова вмешалась мама, но отец поднял руку, не дав ей говорить.

- Пожалуйста, дорогая, дай мне сказать. - Отец вновь обратился ко мне. - Ты - подруга Арно, его напарница по играм. Не вижу причин, мешающих тебе начать знакомить его с нашими принципами.

- Ты хочешь сказать, внушать ему наши принципы? - гневно спросила мама.

- Направлять его, дорогая.

- Направлять вразрез с его природой?

- Откуда мы знаем? Возможно, Элиза права: Арно - не ассасин, покуда его таковым не сделают. Быть может, нам удастся уберечь мальчишку от собратьев его отца.

- Значит, ассасинам неизвестно, что он находится здесь? - спросила я.

- Мы полагаем, что они не в курсе, да.

- Тогда нужно сделать так, чтобы его не нашли.

- Ты совершенно права, Элиза.

- И ему незачем... кем-то становиться.

- Что ты хочешь этим сказать, дорогая? - в замешательстве спросил отец.

Пусть Арно останется вне влияния обоих орденов - вот что я хотела сказать. Пусть Арно останется «моим», свободным от мировоззрения тамплиеров и их идей по переустройству мира. Пусть кусочек моей жизни, в котором присутствовал Арно, будет свободен от всего этого.

- Насколько я понимаю слова Элизы... - Мама развела руками. - Наша дочь спрашивает: «К чему такая спешка?»

Отец скривил губы. Чувствовалось, ему была не по нраву стена сопротивления, воздвигнутая женской частью нашей семьи.

- Арно находится под моей опекой. Он живет в этом доме. И воспитываться он будет согласно принципам и положениям этого дома. Говоря прямо, мы должны поставить Арно под свое влияние раньше, чем это сделают ассасины.

- У нас нет причин опасаться, что ассасины когда-либо узнают о существовании мальчика, - не сдавалась мама.

- Полной уверенности в этом у нас нет. Если ассасины узнают об Арно, они непременно сделают его частью своего ордена и воспротивиться он не сможет.

- Если Арно не сможет воспротивиться, правильно ли внушать ему другие идеи? - умоляюще спросила я, хотя в данный момент больше думала о себе, чем об учении тамплиеров. - Позволительно ли нам идти против того, что уготовила Арно судьба?

Отец пригвоздил меня суровым взглядом.

– Ты хочешь, чтобы Арно был твоим врагом?

– Нет, – горячо ответила я.

– В таком случае наилучший способ сохранить его дружбу – это постепенно знакомить его с нашим мировоззрением.

– Да, Франсуа, но не прямо сейчас, – перебила отца мама. – Ну зачем торопиться? Дети еще слишком малы.

Отец посмотрел на наши лица, где было написано возражение, и через какое-то время сдался.

– Спелись, – улыбнулся он. – Ладно, пока пусть будет по-вашему. Но мы к этому еще вернемся.

Я с благодарностью посмотрела на маму.

Как я буду жить без нее?

5

Вскоре после того разговора мама заболела и стала затворницей своих комнат, где днем и ночью царил угрюмый полумрак. Доступ в эту часть замка был закрыт для всех, кроме горничной Жюстины, нас с отцом и трех сиделок с одинаковым именем Мари, нанятых для ухода за мамой.

Для остальных обитателей замка мама постепенно перестала существовать. Правда, на моем распорядке дня это не сказалось. Утром я по-прежнему занималась с гувернером, а затем отправлялась в лес, граничащий с нашими угодьями, где мистер Уэзеролл продолжал обучать меня владению оружием. Но днем, вместо игр с Арно, я теперь просиживала у маминой постели, держа ее руку. Вокруг хлопотали три Мари.

Я заметила, что Арно потянулся к моему отцу. Да и отцу нравилась роль наставника Арно. Это позволяло ему на время забыть о тяготах, вызванных маминой болезнью. Мы оба пытались свыкнуться с ее скорым уходом из жизни, но делали это по-разному. Я как-то незаметно для себя перестала смеяться.

6

У меня часто бывало видение. Не сон, поскольку я в это время не спала. Думаю, это можно назвать фантазией. Я видела себя сидящей на троне. Представляю, как кто-то воспримет эту фразу, но если умалчивать о подобном в своем дневнике, найдется ли иное место для откровенных признаний?.. Я сижу перед моими подданными. Я не знаю, кто они. Должно быть, тамплиеры. Так мне представляется. Они собрались передо мной, великим магистром. Фантазию эту не назовешь особо серьезной, поскольку я сижу перед ними в своем нынешнем обличье десятилетней девочки. Трон для меня слишком велик: ноги не достают до пола, рукам не дотянуться до подлокотников. Я меньше всего похожа на правительницу (какой бы вы ее ни представляли). Но это фантазия, а фантазии порой движутся в странном направлении. Важна моя фантазия не тем, что я превращаюсь в королеву, и не моим вхождением в звание великого магистра. До этого момента еще не один десяток лет. Важность моей фантазии и причина, почему я за нее так цепляюсь, в другом. По обе стороны от трона сидят мои отец и мать.

С каждым днем мама становится все слабее и ближе к смерти. И с каждым днем отец все больше привязывается к Арно. А в моей фантазии лица родителей делаются все менее четкими.

15 апреля 1778 г

- Элиза, прежде чем покинуть этот мир, я должна кое-что тебе сказать.

Она взяла меня за руку. Какими же слабыми стали ее пальцы. У меня затряслись плечи. К горлу подступили рыдания.

- Нет, мама! Прошу тебя, не...

- Успокойся, дитя мое, и будь сильной. Будь сильной ради меня. Меня забирают от тебя, и ты должна относиться к этому как к проверке твоей силы. Ты должна принять мой уход как Божий промысел. Повторяю: отнесись к этому как к проверке тебя на прочность. Ты должна быть сильной не только ради себя самой, но и ради твоего отца. Мой уход делает его уязвимым перед громкими голосами других членов ордена. Ты, Элиза, должна перекричать их всех и наставить его на третий путь.

- Я не смогу.

- Сможешь. Однажды ты станешь великим магистром и поведешь орден, руководствуясь своими принципами. Принципами, в которые веришь.

- Так это же твои принципы, мама.

Она выпустила мою руку и потянулась, чтобы погладить меня по щеке. Ее глаза утратили былую ясность, но мама улыбалась.

- Эти принципы основаны на сострадании, а тебе, Элиза, сострадания не занимать. Тебе оно присуще в высшей степени. Ты знаешь, как я горжусь тобой. Я и мечтать бы не могла о более удивительной дочери, чем ты. В тебе я вижу все лучшее, что ты унаследовала от меня и отца. Просить о большем было бы грешно. Знай, Элиза: я умираю счастливой. Это ведь такое счастье - узнать тебя. И такая честь - быть свидетельницей рождения твоего величия.

- Нет, мама! Прошу тебя, не надо.

Я едва выговаривала слова между рыданиями, сотрясавшими мое тело. Обеими руками я вцепилась в мамино предплечье. Боже, какой тонюсенькой мне показалась ее рука, даже сквозь одеяло. Можно подумать, этим я могла удержать мамину душу от расставания с телом.

Рыжие мамины волосы разметались по подушке. Ее веки дрогнули.

- Прошу тебя, позови отца.

Ее голос был совсем слабым и очень тихим, словно жизнь уже покидала ее. Я бросилась к двери, стремительно распахнула ее, крикнула одной из Мари, чтобы бежала за отцом, после чего захлопнула дверь и вернулась к маминой постели. По всему чувствовалось: конец совсем близок. Смерть уже витала над маминой постелью. Мама посмотрела на меня. Ее глаза блестели от слез, но такой удивительной улыбки, как эта, я не видела у нее никогда.

- Прошу, позаботьтесь друг о друге, - сказала она. - Я очень люблю вас обоих.

18 апреля 1778 г

1

Мое сердце превратилось в кусочек льда. Я брожу по комнатам, вдыхаю сладковатый запах, который привыкла связывать с ее болезнью, и знаю: нам придется отдернуть портьеры и открыть окна, чтобы свежий воздух прогнал всю затхлость. Но я медлю, потому что это сделает ее смерть свершившимся фактом, а я не могу его принять.

Когда она болела, мне хотелось, чтобы она полностью выздоровела. Теперь, когда она умерла, я просто хочу видеть ее рядом. Хочу, чтобы она всего-навсего оставалась в нашем доме.

Утром из окна своей комнаты я увидела три кареты, подкативших к нашему крыльцу. Они остановились на гравийной дорожке. Лакеи опустили приставные лесенки и тут же начали загружать кареты чемоданами. Вскоре вышли три Мари и принялись обмениваться прощальными поцелуями. Все они были в черном, все подносили платки к глазам. Сиделки искренне скорбели по маме, но скорбь их была сиюминутной. Их работа в нашем замке окончилась, они получили вознаграждение. Теперь они отправятся ухаживать за другими умирающими женщинами и будут испытывать такую же преходящую печаль, когда и там отпадет необходимость в их услугах.

Я стараюсь не думать о неподобающей поспешности отъезда сиделок. Стараюсь не презирать их за то, что они уезжают, оставляя меня наедине с моим горем. Им, как и многим другим, неведома глубина моих чувств. Мама взяла с отца обещание не проводить общепринятых траурных обрядов, и потому занавески на нижних этажах оставались открытыми, а мебель не обтягивали крепом. За время маминой болезни у нас появились новые слуги, которые почти или совсем не видели маму здоровой. Маму, которую я помню красивой, изящной и заботливой. Для них она была чем-то далеким и неосязаемым. Некой слабой госпожой, постоянно находящейся в постели. Таких дам предостаточно и в других домах. Пожалуй, эти слуги и служанки скорбели по маме даже меньше, чем три Мари, и не испытали ничего, кроме кратковременного всплеска печали.

И потому жизнь в замке продолжала идти своим чередом, словно ничего не случилось. Лишь немногие из нас по-настоящему горевали; те, кто знал и любил маму такой, какой она была. Поймав взгляд Жюстины, я увидела в ее глазах отражение своей печали. Ей, единственной из слуг, было позволено входить в мамины комнаты с тех пор, как обитательница перестала их покидать.

– Ох, мадемуазель, – произнесла Жюстина, и у нее задрожали плечи.

Я взяла ее руку и выразила признательность за все, что она делала, передав мамины слова благодарности за заботу. Горничная сделала реверанс, сбивчиво что-то ответила и удалилась.

Мы с ней были словно двое выживших в тяжелом сражении, которые теперь обменивались воспоминаниями, делая это не словами, а взглядами. Жюстина и мы с отцом были единственными обитателями замка, находившимися рядом с мамой в момент ее смерти.

Она умерла два дня назад. Это случилось поздно вечером. Стоя возле ее смертного одра, отец обнимал меня. С тех пор я его не видела. Рут говорит, что отец заперся у себя и оттуда доносятся рыдания, но очень скоро он найдет в себе силы выйти. По мнению няньки, мне стоит беспокоиться не столько о нем, сколько о себе. Рут прижала меня к груди и стала гладить по спине. Ее ладонь двигалась так, словно я была заводной игрушкой, а она поворачивала ключ.

– Выпусти свое горе наружу, дитя мое, – шептала Рут. – Не держи все это в себе.

Однако я вывернулась, поблагодарила ее и сказала, что я в полном порядке. Мои слова звучали несколько чопорно. Наверное, так говорит со своей служанкой Мэй Кэрролл.

Все дело в том, что мне нечего из себя выпускать. Я ничего не чувствую.

Мне вдруг стало невыносимо оставаться на верхних этажах. Я отправилась бродить по замку. Я шла по коридорам, словно призрак.

– Элиза!

Из конца коридора вынырнул Арно со шляпой в руке. Его щеки покраснелись, словно от быстрого бега.

– Прими мои соболезнования по поводу кончины твоей матери.

– Спасибо, Арно, – ответила я.

Коридор, разделявший нас, показался мне слишком длинным. Арно двинулся мне навстречу, подпрыгивая то на одной, то на другой ноге.

– Ее кончина не была внезапной. Мы ждали, что рано или поздно это произойдет. Невзирая на мою скорбь, я благодарна судьбе, что смогла оставаться рядом с мамой до самого конца.

Арно сочувственно кивнул, хотя в действительности ничего не понял. Причина мне ясна: его мир остался неизменным. Для него моя мама была дамой, с которой он не успел толком познакомиться. К тому же она находилась в той части замка, куда ему было запрещено приходить. Теперь эта дама умерла, что повергло в печаль двух наиболее значимых для него людей, но не его самого. Увы, такова была правда.

– Возможно, мы потом с тобой поиграем, – сказала я. – После уроков.

Арно просиял.

Глядя ему вслед, я понимала: он скучает не столько по нашим играм, сколько по занятиям с моим отцом.

2

Утро я провела с гувернером, а с Арно снова встретила у дверей, когда он пришел для занятий. Расписание было составлено так, чтобы во время моих упражнений с мистером Уэзероллом Арно занимался с гувернером. Незачем ему видеть, как я учусь владеть оружием. (Возможно, когда-нибудь у себя в дневнике он тоже напишет об указателях, приведших его к моменту, когда «до него дошло». Что-то вроде: «Я никогда не задумывался, почему она так искусно владеет мечом...») Я вышла через заднюю дверь и двинулась мимо подстриженных деревьев, пока не оказалась в лесу. Там я пошла по знакомой тропинке к месту, где мистер Уэзеролл ожидал меня, сидя на пне. Обычно он сидел со скрещенными ногами, и полы его камзола волнами накрывали пень. В прежние дни, стоило мне появиться, англичанин спрыгивал с пня, чтобы поздороваться. В его глазах плясали огоньки, а губы почти всегда улыбались. Сегодня он сидел, понурился, словно на его плечи давила тяжесть всего мира. Рядом с ним я увидела шкатулку примерно пятьдесят на пятнадцать сантиметров.

– Вам уже сообщили, – сказала я.

Глаза у него были влажными. Нижняя губа едва заметно дрожала. Я пережила ужасное мгновение, не зная, как быть, если мистер Уэзеролл вдруг расплечется.

– Ты-то сама как?

– Ее кончина не была внезапной. Мы ждали, что рано или поздно это произойдет. Невзирая на мою скорбь, я благодарна судьбе, что смогла оставаться рядом с мамой до самого конца, – ответила я, повторяя те же слова, какие говорила Арно.

Англичанин подал мне шкатулку:

– Элиза, с тяжелым сердцем я вручаю тебе это. – Его голос был хриплым. – Твоя мама надеялась сделать это сама.

Я взяла шкатулку из темного дерева, ощущая ее тяжесть и уже зная о содержимом. Я не ошиблась: внутри лежал короткий меч. Его ножны были из мягкой коричневой кожи, прошитой белыми нитями по бокам. К ножнам крепился кожаный пояс, который просто завязывался на талии. Лезвие сверкнуло на солнце. Меч был новым. Его эфес туго опоясывали полосы протравленной кожи. На лезвии была сделана надпись: «Да ведет тебя отец понимания. С любовью, мама».

– Элиза, мы всегда думали, что это будет подарок в честь завершения твоих занятий со мной, – сухо сказал мистер Уэзеролл. Он глядел в сторону леса, украдкой касаясь пальцем глаз. – Используй этот меч для отработки своих навыков.

– Спасибо, – ответила я.

Англичанин пожал плечами. Увы, я не могла перенестись в другое время, где подарок бы вызвал настоящую радость. Сейчас я не испытывала никаких чувств.

Возникла долгая пауза. Я поняла, никаких занятий сегодня не будет. На это у нас обоих не хватало духу.

Затем мистер Уэзеролл нарушил молчание.

– Она что-нибудь говорила обо мне? – спросил он. – Я имею в виду... в последние мгновения.

Я едва сумела скрыть удивление, увидев в глазах англичанина то, что показалось мне чем-то средним между отчаянием и надеждой. Я знала о любви мистера Уэзеролла к маме, но вплоть до этого момента не подозревала, насколько сильны его чувства.

– Мама просила передать, что в ее сердце всегда жила любовь к вам. И еще: она останется вечно благодарной за все, что вы сделали для нее.

Мистер Уэзеролл кивнул.

– Спасибо, Элиза. Для меня это великое утешение, – сказал он, смахивая слезы.

3

В тот же день меня позвали к отцу. Мы вдвоем уселись на кушетку в его кабинете, погруженном в полумрак. Отец крепко обнял меня и не разжимал рук. Он был побрит и внешне выглядел как обычно, но слова произносил медленно и с трудом. От него пахло коньяком.

– Могу тебе сказать, Элиза: ты становишься все сильнее, – признался он. – Сильнее меня.

Внутри каждого из нас пульсировала тупая боль. Я поймала себя на том, что почти завидую отцовской способности прикоснуться к источнику его печали.

– Ее кончина не была внезапной... – произнесла я, но договорить не смогла.

У меня задрожали плечи. Я вцепилась в отца и задрожала, спрятавшись в его объятиях.

– Элиза, выпусти свое горе наружу, – сказал он и начал гладить мои волосы.

Я последовала его совету. Выпустила горе наружу и наконец-то заплакала.

Отрывок из дневника Арно Дориана

12 сентября 1794 г

Подавленный чувством вины, я отложил ее дневник. Меня окутывала боль, изливавшаяся со страниц. И ужас понимания, что и я тоже способствовал ее страданиям.

Элиза права. Смерть мадам Де Ла Серр едва коснулась меня. Эгоистичный мальчишка, каким я был тогда, воспринял кончину хозяйки дома лишь как событие, помешавшее Франсуа и Элизе уделять ему время и играть с ним. Возникло «некоторое неудобство», означавшее, что, пока жизнь в замке не вернется в привычное русло, мне придется самому себя забавлять. (Элиза права и в этом, поскольку замок не погружался в траур.)

К моему стыду, других чувств по поводу смерти мадам Де Ла Серр я не испытывал.

Повторяю: я тогда был всего-навсего десятилетним мальчишкой.

Но ведь и Элизе тогда было только десять. И тем не менее она значительно превосходила меня умом и образованностью. Она пишет о наших уроках с гувернером. Должно быть, он стонал, когда наступал черед заниматься со мной. Представляю, с каким тяжелым сердцем он отодвигал в сторону учебники Элизы и тянулся за моими – куда более упрощенными.

И все же это быстрое взросление (а как я теперь понимаю, ее образование было нацелено на быстрое взросление) вынуждало Элизу жить с невидимым грузом на плечах. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление, пока я читал страницы ее дневника. Девчонка, с которой я познакомился, попав в замок, была просто девчонкой, обожавшей развлечения и проказы. Я видел в ней сестренку, придумывавшую все наши самые лучшие игры. Она не лезла за словом в карман, когда нас ловили в неположенных местах, когда мы воровали еду с кухни или попадались на иных проделках, затеянных ею в тот день.

Неудивительно, что когда Элизу для завершения образования отправили в Сен-Сир, в Королевский дом святого Людовика (так называлась эта женская школа), у нее началась полоса бед. Обе противоположные стороны ее личности не годились для школьной жизни. Как и следовало ожидать, пансион не стал для нее вторым домом. Она его ненавидела. Сен-Сир находился всего в тридцати с лишним километрах от Версаля, но с таким же успехом Элизу могли отправить в другую страну – настолько громадным было расстояние между ее новой и

прежней жизнью. В письмах она именовала это заведение Le Palais de la Mis?re.[5 - Дворец Несчастий (фр.).] Пребывание дома ограничивалось тремя неделями летом и несколькими днями на Рождество. Все остальное время она проводила там, обязанная подчиняться распорядку Королевского дома. Элиза не была создана для распорядков; точнее, она могла подчиняться только тем из них, которые ее устраивали. Так, ей был по вкусу распорядок занятий с мистером Уэзероллом, учившим ее владеть оружием. С другой стороны, распорядок Королевского дома противоречил ее натуре. Элиза ненавидела ограничения, налагаемые школьной жизнью. Ненавидела обучаться таким «добродетельным» занятиям, как вышивание и музыка. По записям тех лет видно, как же тяжело было Элизе в этой школе. Да и сами записи были похожи одна на другую, как две капли воды. Несколько лет сплошных несчастий и разочарований.

Как правило, в подобных школах девочек делили на группы и во главе каждой ставили старосту. Разумеется, Элиза постоянно цапалась с Валери – старостой своей группы. У них доходило до настоящих драк. Читая об этом, я временами подносил руку к губам, не зная, смеяться или ужасаться дерзостям Элизы.

Снова и снова Элиза оказывалась перед очами ненавистной ей мадам Левен, директрисы школы. Та требовала объяснений, за которыми следовало наказание.

Но вместо объяснений раз за разом Элиза выдавала одну колкость за другой. Ее дерзость лишь усугубляла ситуацию, отчего суровость наказаний только возрастала. Но умножение наказаний разжигало бунтарский дух Элизы, отчего вызовы к директрисе становились чаще, а это подхлестывало ее дерзость и опять вело к увеличению числа наказаний...

Разумеется, я и раньше знал о злоключениях Элизы в школе. Виделись мы в эти годы редко. Ее каникулы были слишком короткими. Зачастую я лишь мельком видел ее из окна комнаты, где мы занимались с гувернером. (Сейчас я запоздало жалею об этом.) Однако наша с ней переписка была довольно регулярной. Для меня – сироты, никогда не посылавшего писем, – сам процесс получения писем от Элизы не терял своей новизны ни на минуту. Она, конечно же, писала о своей ненависти к школе, однако в письмах отсутствовали подробности, обнаруженные мной в ее дневниковых записях, бурлящих насмешками и пренебрежением, которое Элиза испытывала к другим ученицам, учителям и мадам Левен. Даже грандиозный фейерверк (настоящий «огненный спектакль»), устроенный в 1786 году по случаю столетия школы, ничуть не поднял Элизе

настроение. Король наверняка тоже любовался величественным действием, стоя на одной из террас Версальского дворца, но и это не могло взбодрить девушку. Каждая страница дневника рассказывала о несправедливостях и противоречии окружающего мира. Страница за страницей, год за годом. Моя любовь так и не смогла увидеть порочный круг, в котором она оказалась. Столько исписанных страниц, но Элиза так и не поняла, что ее проделки и выходки не были бунтом. Это было затянувшейся скорбью по матери.

Читая дальше, я начинал понимать: было еще что-то, о чем Элиза мне не рассказывала...

Отрывки из дневника Элизы де ла Серр

8 сентября 1787 г

Сегодня ко мне приезжал отец. Меня позвали в кабинет мадам Левен для встречи с ним. Мне не терпелось поскорее увидеть отца, хотя я знала: наш разговор будет происходить в присутствии этой старой ведьмы, под ее хмыканье и язвительные словечки. Таковы правила в этом Palais de la Mis?re, и потому встреча с отцом больше напоминала аудиенцию. Из окна за спиной директрисы открывалась широкая панорама лужаек и дорожек, окружавших здание школы. Даже я вынуждена была признать это зрелище завораживающим. Мадам Левен сидела, сцепив руки на столе. Слегка улыбаясь, она смотрела, как мы с отцом устроились друг против друга. Стулья стояли с внешней стороны ее стола. Ошеломленный отец и его вечно бедокурящая дочь.

– Элиза, а ведь я надеялся, что твой путь к завершению образования будет больше похож на изящный галоп, чем на хромоногое ковыляние, – вздохнув, произнес он.

Он выглядел постаревшим и усталым. Я живо представила галдящих вокруг него во?ронов и то, как они изводят его нескончаемыми советами «сделать так, сделать эдак». А в дополнение к его заботам и горестям еще и я – его непутевая

дочь, ставшая предметом разгневанных писем от директрисы. Мадам Левен подробно описывала отцу все мои прегрешения.

– Для Франции, Элиза, продолжаются тяжелые времена, – говорил отец. – Два года назад случилась засуха – худшего урожая никто не мог припомнить уже давно. Король распорядился возвести вокруг Парижа стену. Он попытался повысить налоги, но против короля выступила знать, а ее поддержал парламент. Наш стойкий и решительный король поддался страху, отменил налоги. Толпы вышли на улицы, празднуя победу. Солдатам велели стрелять по демонстрантам, но они отказывались вопреки приказам...

– Знать выступила против короля? – удивилась я.

– Да, – кивнул отец. – Кто бы мог подумать? Возможно, они надеялись, что бедняки выразят им сердечную благодарность и тихо разбредутся по домам.

– Но этого не произошло, ведь так?

– Нет, Элиза. Боюсь, что как только рабочий люд закусил удила и почувствовал вкус власти... я говорю не о настоящей власти, о власти толпы... он не станет довольствоваться отменой нескольких новых законов о налогах. Думаю, мы теперь обречены наблюдать, как год за годом эти люди будут искать новые поводы для выплеска своего недовольства. Когда они забрасывали Дворец правосудия камнями и факелами, сомневаюсь, что это была поддержка аристократии. И сожжение простолюдинами чучела виконта де Калонна тоже не назовешь дружелюбным жестом.

– Они сожгли чучело Генерального контролера финансов?

– Представь себе, – кивнул отец. – Виконт был вынужден покинуть страну. За ним последовали и другие министры. Попомни мои слова, Элиза: этот бунт не будет последним в истории Франции.

Я молчала.

– Что возвращает нас к твоему поведению в школе, – продолжал отец. – Ты уже не ученица начальных классов, а молодая дама. Значит, и вести себя ты должна

сообразно возрасту.

Я думала о его словах и о том, что форма ученицы старших классов Королевского дома не помогала мне почувствовать себя молодой дамой. В ней я выглядела пародией на женщину. А настоящей женщиной я ощущала себя после занятий, когда сбрасывала ненавистное, сдавливающее платье, вынимала булавки из волос и позволяла рыжим локонам свободно ниспадать на плечи и на недавно обозначившуюся грудь. Стоило мне посмотретья в зеркало, я видела там отражение мамы.

- Ты переписываешься с Арно, - попытался зайти с другого бока отец.

- Надеюсь, ты не читаешь мои письма?

Отец удивленно поднял бровь:

- Нет, Элиза. Я твоих писем не читаю. Ей-богу, за кого ты меня принимаешь?

- Прости, отец, - пробормотала я, опустив глаза.

- Неужели ты настолько поглощена сопротивлением любому проявлению власти, что позабыла о своих настоящих друзьях?

Мадам Левен важно кивала из-за стола, чувствуя, что отец с ней заодно.

- Прости, отец, - повторила я, не обращая на нее внимания.

- Факт остается фактом: ты переписываешься с Арно, и, судя по тому, что я узнал исключительно с его слов, ты так ничего и не сделала для выполнения условий нашего соглашения.

Отец бросил многозначительный взгляд в сторону директрисы.

- О каком соглашении ты говоришь, отец? - спросила я, разыгрывая невинность.

Отец еще раз кивнул в сторону свидетельницы нашего разговора.

– Я говорю о соглашении, – он сделал ударение на этом слове, – которое, Элиза, мы заключили с тобой перед твоей отправкой на учебу в Сен-Сир. Ты тогда обещала приложить все силы, дабы убедить Арно, что он вполне достоин стать членом нашей семьи.

– Прости, отец, но я и сейчас не вполне понимаю, о чем речь.

Отец наморщил лоб, глубоко вздохнул и обратился к мадам Левен:

– Мадам, я бы просил предоставить мне возможность побеседовать с дочерью наедине.

– Мне очень жаль, месье, но это противоречит правилам нашего заведения, – учтиво улыбаясь, ответила директриса. – Учителя и опекуны, которым необходимо встретиться с ученицами наедине, должны вначале подать письменное прошение.

– Я знаю, но...

– Мне очень жаль, месье, – стояла на своем директриса.

Отцовские пальцы барабанили по брючине.

– Элиза, пожалуйста, не усугубляй ситуацию. Ты прекрасно понимаешь, о чем речь. Перед твоим отъездом на учебу мы оба признали, что время для принятия Арно в нашу семью выбрано правильно, – сказал он, выразительно глядя на меня.

– Но он – член другой семьи, – все с той же наигранной невинностью возразила я.

– Элиза, прошу тебя оставить эти игры.

Директриса хмыкнула:

– Мы здесь, месье, успели к ним привыкнуть.

– Благодарю вас, мадам Левен, – раздраженно бросил ей отец.

Затем он вновь повернулся ко мне. Наши глаза встретились. Присутствие мадам Левен, тяготившее нас обоих, отчасти растопило лед нашей встречи. У отца даже дрогнули уголки рта – он подавлял смехок. В ответ я наградила его самой лучезарной и невинной улыбкой. Глаза отца потеплели. Этот момент принадлежал только нам.

Он заговорил снова: размеренно, тщательно подбирая слова:

– Полагаю, с моей стороны излишне напоминать тебе условия нашего соглашения. Скажу только: если ты и дальше будешь пренебрегать их соблюдением, мне придется взять дело в свои руки.

Мы оба поймали взгляд мадам Левен. Директриса по-прежнему сидела, сцепив руки на столе. Она безуспешно пыталась скрыть недоумение. Даже не знаю, как я не расхохоталась во весь голос.

– Отец, ты хочешь сказать, что сам попытаешься убедить Арно в его пригодности?

– Да, попытаюсь, – ответил он, впиваясь в меня взглядом.

– И тебя не пугает, что Арно перестанет мне доверять?

– Мне придется пойти и на такой риск, если ты, Элиза, не выполнишь то, о чем мы договаривались.

Тогда мы договаривались, что я стану внушать Арно мировоззрение тамплиеров, постепенно вводя его в лоно ордена. От этой мысли у меня сделалось тяжело на сердце. Я подумала, что тем самым потеряю Арно. Но если я откажусь, отец займется этим сам. Воображение рисовало мне разгневанного Арно, яростно вопрошающего: «Почему ты никогда мне не рассказывала?» Мысль о том, что я утрачу его доверие, была невыносимой.

– Отец, я сделаю то, о чем мы договаривались.

– Спасибо.

Мы оба повернулись к мадам Левен. Та хмуро глядела на отца.

– И потрудись исправить свое поведение, – торопливо добавил он, хлопнув себя по бедрам.

Я давно уже знала: это жест означал конец разговора.

Директриса хмурилась все сильнее. Она думала, что отец продолжит чтение нотаций. Однако он встал и крепко обнял меня, удивив силой чувств.

И тогда я приняла решение. Ради отца я исправлюсь. Я стану той дочерью, которую он заслуживает.

8 января 1788 г

Стоит мне перечитать прошлогоднюю запись от 8 сентября, как лицо у меня морщится от стыда за написанное. «Я стану той дочерью, которую он заслуживает». На самом же деле я... палец о палец не ударила, чтобы выполнить обещанное.

Я и не подумала убеждать Арно в радостях приобщения к делу тамплиеров (отчасти это было вызвано моими вероломными размышлениями о том, способно ли приобщение к делу тамплиеров принести хоть какую-то радость). Более того, мое поведение в Королевском доме ничуть не улучшилось.

Оно стало значительно хуже.

Не далее как вчера мадам Левен затребовала меня к себе в кабинет. Третий вызов за неделю, наверное, двенадцатый за последний месяц. Сколько путешествий к дверям ее кабинета я совершила за годы учебы? Сотни? Меня вызывали за дерзкие слова, драки, ночные отлучки (как я любила побыть наедине с уснувшей природой!), за «употребление вина», нарушение дисциплины, таскание одноклассниц за шиворот и, конечно же, за мое

излюбленное «упорство в дурном поведении».

Никто лучше меня не знал дороги в кабинет директрисы. Едва ли найдется нищий, который бы протягивал ладонь чаще, чем я. Я научилась предчувствовать взмах трости и даже радоваться этому. Я не зажмуривалась, когда трость оставляла очередную отметину на моей коже.

Ожидания меня не обманули: нынешний вызов к директрисе был следствием драки с Валери. Староста нашей группы помимо других своих многочисленных талантов обладала еще и внушительными актерскими способностями, которые пускала в ход, когда в школьном театре ставились пьесы Расина и Корнеля. Прими же совет, дорогой читатель, и никогда не выбирай своей противницей актрису. Они способны ужасно все драматизировать. Мистер Уэзеролл обычно говорит о таких: «Чертова маленькая истеричка».

В общем, та наша стычка с Валери кончилась тем, что вместо аплодисментов она получила синяк под глазом и расквашенный нос. И случилось это, когда я находилась, так сказать, под наблюдением. Мне назначили испытательный срок за мелкую выходку во время обеда, учиненную месяц назад. Но был здесь и один отличительный момент: директриса заявила, что ее терпение кончилось. «Я по горло сыта вашими выкрутасами, Элиза Де Ла Серр, – заявила она. – Да, мадемуазель, сыта по горло».

Как всегда, она завела разговор об исключении. Но я была уверена: в этот раз дело не ограничится словами. Когда мадам Левен сообщила, что намеревается послать отцу письмо и потребовать его немедленного приезда для обсуждения моего дальнейшего пребывания в Королевском доме, я поняла: это не пустые угрозы. Похоже, она действительно устала от моих выходок и ее терпению пришел конец.

Но мне было все равно.

Я хочу сказать, мне и сейчас все равно. Начинай свои пакости, Левен. И ты, отец, осуществи самые худшие из своих угроз. В какой бы круг ада вы меня ни запихнули, он не будет хуже того, в котором я нахожусь сейчас.

– Я получила письмо из Версаля, – сказала директриса. – Ваш отец направляет поверенного, поручив ему разобраться с вами.

До сих пор я смотрела в окно. Мои глаза свободно перемещались за пределы стен Королевского двора, туда, где я жаждала оказаться. Однако услышанное заставило меня повернуться к директрисе. У мадам Левен было узкое сморщенное лицо и холодные глаза, спрятанные за стеклами очков.

– Поверенного? – переспросила я.

– Да. И, как явствует из письма, ему дано задание внушить вам толику здравомыслия.

Я задумалась. «Поверенный. Отец даже не поедет сам». Возможно, он решил меня изолировать. Эта мысль меня изрядно ужаснула. Мой отец – один из трех человек во всем мире, кого я по-настоящему любила и кому доверяла, – решил отгородиться от меня. Я ошиблась. Есть круг ада, что хуже нынешнего, и меня туда бросят.

Мадам Левен продолжала злорадствовать:

– Да. Похоже, ваш отец слишком занят для подобных дел. Это вынуждает его отправить сюда поверенного. А возможно, Элиза, вы не так много для него значите, как вы себе воображали.

Я угрюмо посмотрела на директрису, на мгновение представив себе, как перемахиваю через стол и сгоняю эту ухмылку с ее физиономии.

– Поверенный желает встретиться с вами наедине, – сказала она.

Мы оба понимали смысл сказанного. Это означало, что меня подвергнут наказанию. В данном случае – телесному.

– Думаю, вы все равно будете подслушивать за дверью, – не удержалась я.

Директриса поджала губы. Ледяные глаза сверкнули.

– Мне будет радостно сознавать, что настал миг расплаты за годы вашего отвратительного, дерзкого поведения. В этом, мадемуазель Де Ла Серр, можете

не сомневаться.

21 января 1788 г

И вот настал день приезда поверенного моего отца. Всю неделю до его появления я старалась не наделать новых бед. Девушки считали, что я вела себя тише обычного. Некоторые даже спрашивали, когда вернется «прежняя Элиза». В основном все радовались тому, что меня наконец-то удалось обуздать. Но это мы еще посмотрим.

На самом деле, я готовилась к предстоящей встрече, умственно и телесно. Поверенный отца, скорее всего, будет рассчитывать на мою робость и уступчивость. Он полагает, что встретит здесь испуганную отроковицу, которую всерьез ужасает перспектива исключения и потому она с радостью примет любые другие наказания. Он наверняка надеется на бурные слезы и чистосердечное раскаяние. Ничего подобного он от меня не дожидается.

Меня позвали в кабинет директрисы и велели ждать. Я повиновалась, в руках сжимая сумочку, в которой лежала подкова. Ее я «позаимствовала», сняв с двери спальни. Прежде она ни разу не принесла мне удачи. Сейчас у нее был шанс исправить положение.

Через какое-то время со стороны вестибюля послышались голоса. Льстивый, подбострастный голос мадам Левен. Она приветствовала поверенного отца, сообщив, что виновная находится у нее в кабинете и ждет заслуженных наказаний. Ей ответил низкий, раскатистый голос:

– Благодарю вас, мадам.

Я зажала рот, чтобы не вскрикнуть, потому что мгновенно узнала этот голос. И все равно почувствовала некоторую оторопь, когда дверь открылась и в кабинет вошел мистер Уэзеролл.

Он плотно закрыл за собой дверь. Я бросилась к нему и чуть не задушила в объятиях. Меня переполняли чувства. Я не смогла сдержать слезы и

разрыдалась на груди англичанина. Мои плечи тяжело вздымались. Я всхлипывала, давая волю эмоциям. Поверьте, никогда еще чье-либо появление не вызывало у меня столько радости.

Так мы стояли некоторое время. Я беззвучно рыдала на груди своего защитника, пока наконец не взяла себя в руки. Затем мистер Уэзеролл отстранил меня на расстояние руки. Пристально глядя мне в глаза, он поднес палец к губам, затем расстегнул и снял камзол. Камзол он повесил на крюк возле двери с таким расчетом, чтобы загородить замочную скважину.

– На вашем месте, мадемуазель, я бы плакал горячими слезами. Вы настолько рассердили вашего отца, что он не пожелал приехать сюда сам. Мне не хватит красноречия, чтобы описать его гнев и ярость. Словом, он послал сюда меня – вашего гувернера, – мистер Уэзеролл мне подмигнул, – чтобы я вместо него подверг вас заслуженному наказанию. Но вначале вы напишете отцу покаянное письмо, в котором покорнейшим образом испросите прощения. А затем я подвергну вас наказанию, и оно, как вы уже догадываетесь, будет самым суровым из всех, что выпадали на вашу долю.

Мистер Уэзеролл повел меня в другой конец кабинета, где стояла школьная парта. Я уселась за нее, положила перед собой лист бумаги, взяла перо и сняла крышку с чернильницы. Эта маскировка предназначалась для директрисы, если она под каким-нибудь предлогом явится в кабинет. Затем мистер Уэзеролл пододвинул к парте стул, уперся локтями в ее поверхность и выразительно посмотрел на меня.

– Как я рада вас видеть, – призналась я шепотом.

– Не скажу, что это меня удивляет, – с усмешкой так же тихо ответил он. – Ты наверняка ждала, что с тебя семь шкур спустят.

– Как раз наоборот. Я бы не дала себя обидеть, – сказала я, раскрыв сумочку и показав ему подкову.

Англичанин нахмурился.

– А что бы было потом, Элиза? – сердито прошептал он, подкрепляя слова выразительным жестом. – Все идет к тому, что тебя исключат из Королевского

дома. Твое образование и вступление в орден отложатся на неопределенное время. И твое восхождение к званию великого магистра – тоже. Чего ты хочешь добиться таким поведением?

– А знаете, мне все равно, – ответила я.

– Значит, тебе все равно? И судьба твоего отца тебя тоже больше на заботит?

– Вы же прекрасно знаете, как отец мне дорог.

Мой сердитый поток слов вызвал у него усмешку.

– Я также прекрасно знаю, что память о матери тебе тоже не безразлична. И честь семьи, если уж на то пошло. Так почему ты с таким упорством делаешь все, чтобы очернить свою фамилию? Почему ты избрала путь, который никогда не приведет тебя к титулу великого магистра?

– Мне предначертано стать великим магистром, – ответила я и внутренне поморщилась.

Сейчас я была похожа на Мэй Кэрролл.

– Предназначение может и измениться, дитя мое.

– Я уже не ребенок, – напомнила я англичанину. – Мне целых двадцать лет.

Мистер Уэзеролл с грустью посмотрел на меня:

– Для меня, Элиза, ты всегда останешься ребенком. Я хорошо помню ту девочку, с которой занимался в лесу, уча держать меч. Самая способная из всех учеников, какие у меня были, но и самая порывистая. Излишне самолюбивая. Кстати, ты продолжаешь упражняться с оружием? – спросил он, искоса поглядев на меня.

– Здесь? – поморщилась я. – Как вы себе это представляете?

С нескрываемым сарказмом мистер Уэзеролл сделал вид, будто раздумывает.

– Давай поищем возможности. Как насчет того, чтобы быть тише воды и ниже травы и не привлекать к себе ничего внимания? Тогда твои исчезновения оставались бы незамеченными. Но тебе, похоже, нравится быть у всех на виду.

Я почувствовала себя виноватой.

– Я здесь совсем не упражнялась, и вы это знаете.

– Значит, приобретенные тобою навыки почти наверняка утрачены.

– Тогда зачем меня послали в такую школу, где это неминуемо должно было случиться?

– Почему же неминуемо? Этого вовсе не должно было случиться. Ты не должна была допускать, чтобы так случилось, памятуя, кем тебе надлежит стать.

– Несколько минут назад вы говорили, что предназначение может и измениться, – с иронией заметила я.

– Все действительно изменится, если ты не возьмешься за ум и не исправишь свое поведение, – невозмутимо парировал мистер Уэзеролл. – Тех, кого ты зовешь во?ронами: господу Лафреньер, Лепелетье, Сивер и мадам Левек... они ждут не дождутся, когда ты допустишь промах. Неужто ты думаешь, что в ордене все тихо и спокойно? Или ты веришь, что все происходит так, как в исторических романах, и они заблаговременно начали разбрасывать цветы, готовясь к коронации своей «законной правительницы»? В таком случае ты крупно заблуждаешься на их счет. Каждый из них хотел бы положить конец власти семейства Де Ла Серр и поставить перед своим именем титул великого магистра. Каждый из них ищет повод сместить твоего отца и самому встать на его место. Ты помнишь, что их политические воззрения отличаются от отцовских? Твой родитель цепляется за их доверие, которое висит на волоске. И уж меньше всего, черт побери, ему сейчас нужна непутевая дочь. Кроме того...

– Что?

Он посмотрел на дверь. Я не сомневалась: мадам Левен сейчас прильнула ухом к замочной скважине. Желая удовлетворить любопытство директрисы, мистер Уэзеролл нарочито громко произнес:

– Ваше покаянное письмо, мадемуазель, должно быть написано самым красивым почерком, какой вам доступен. Извольте постараться.

Успокоившись, англичанин снова наклонился ко мне:

– Помнишь тех двоих, напавших на вас в парижском переулке?

– Разве такое забудешь?

– Так вот, я пообещал твоей маме непременно разыскать того молодца с докторским саквояжем. Полагаю, я его нашел.

Я удивленно посмотрела на своего собеседника.

– Да, времени на это ушло немало, я согласен. Но я его нашел, и это главное.

Наши лица почти соприкасались. Я уловила легкий запах алкоголя, исходящий от него.

– Кто он такой?

– Некто Раддок. Он действительно ассасин или, по крайней мере, был таковым. Похоже, его исключили из ордена, и с тех пор он не оставляет попыток туда вернуться.

– За что его исключили?

– Его поведение позорило орден. Насколько мне удалось выяснить, он обожает заключать пари, но не принадлежит к числу удачливых. По общему мнению, он сейчас по уши в долгах.

– Может, он рассчитывал убийством мамы вернуть благосклонность своего ордена?

Мистер Уэзеролл выразительно на меня посмотрел.

– Не исключаю, хотя сам я склоняюсь к мысли, что он сознавал... по крайней мере, отчасти... всю опрометчивость и непредсказуемость такой стратегии. Ведь убийство твоей матери могло обернуться для него еще бо?льшим позором. Он был не в состоянии предугадать результат. – Мистер Уэзеролл покачал головой. – Убийство твоей матери было лишь частью его плана. Если Раддок всерьез собирался вернуться в орден, ему нужно было выждать и посмотреть, какой резонанс вызовет это событие. Если благоприятный для него, Раддок смог бы заявить о своей причастности. Но мне не верится, что он избрал такую стратегию. Я склоняюсь к другой мысли: он предлагал свои услуги тем, кто подороже заплатит. Деньги ему были нужны, конечно же, на уплату игорных долгов. Полагаю, наш приятель действовал как обыкновенный наемник.

– Значит, это не ассасины стояли за покушением на нас?

– Почти наверняка не они.

– Вы рассказали во?ронам?

Мистер Уэзеролл покачал головой.

– А почему?

– У твоей мамы имелись некоторые... подозрения насчет во?ронов, – глядя в сторону, ответил он.

– Что еще за подозрения?

– Помнишь ли ты некоего Франсуа Тома Жермена?

– Вряд ли.

– Такой довольно неприятный тип. Когда ты была еще от горшка два вершка, он постоянно крутился у вас в замке.

– От какого горшка? – не поняла я.

– К слову пришлось, – улыбнулся мистер Уэзеролл. – Тогда этот Франсуа Тома Жермен был помощником твоего отца, но носился с сумасбродными и рискованными идеями, за что отец и выставил его из ордена. Сейчас этот человек мертв. Однако твою маму не оставляла мысль, что во?роны могли разделять его идеи.

Я оторопела, не в силах поверить в услышанное.

– Но ведь вы не верите, что советники отца могли составить заговор с целью убийства мамы?

Пусть я всегда ненавидела во?ронов, но в равной степени я все годы учебы ненавидела мадам Левен, однако мне и в голову не пришло бы, что она замышляет меня убить. Такая мысль была слишком невероятной.

– Гибель твоей мамы послужила бы их замыслам, – продолжал мистер Уэзеролл. – Номинально во?роны считаются советниками отца, но с тех пор, как Жермен получил коленкой под зад, мнение жены стало для великого магистра авторитетнее всех остальных, включая и мнения советников. Устранив ее с пути...

– Но она и так «устранилась с пути». Мамы давно нет в живых, а отец остается верен своим принципам.

– Элиза, никто не знает, как будут разворачиваться события. Возможно, отец оказался менее податливым, чем они рассчитывали.

– И все равно это кажется мне бессмыслицей, – качая головой, призналась я.

– Любовь моя, происходящее не всегда имеет смысл. Попытка ассасинов убить твою мать выглядела бессмыслицей, однако все охотно в нее поверили. Я не стану отказываться от своих подозрений, пока не получу доказательств их

ошибочности. Если ты разделяешь мою точку зрения, я не стану рисковать, пока мы не узнаем, что к чему.

У меня внутри появилось странное, опустошающее чувство. Мне казалось, будто отодвинулся занавес, и то, что прежде казалось ясным и понятным, вдруг предстало шатким и неопределенным. Получалось, внутри нашего ордена были люди, желавшие нам зла. Я должна выяснить, так это или нет.

- А как насчет отца?

- Что именно?

- Вы не поделились с ним своими подозрениями?

Упираясь глазами в парту, мистер Уэзеролл покачал головой.

- Почему?

- Ну, во-первых, потому, что они – всего лишь подозрения, и, как ты верно заметила, нелепые и бездоказательные. Если они не подтвердятся – а скорее всего, так и будет, – я окажусь первостатейным идиотом. Если же подтвердятся – я лишь спугну «воронье». Они дружно поднимут меня на смех, а сами начнут строить планы расправы со мной. И вдобавок...

- Что?

- Видишь ли, Элиза, с момента смерти твоей матери я веду себя отнюдь не лучшим образом, – признался он. – Можешь назвать это возвращением к прежним привычкам. Я сейчас занимаюсь тем, что... сжигаю мосты, которые так старательно наводил последние несколько лет. Этим я отчасти похож на мистера Раддока.

- Понятно. Не потому ли от вас пахнет вином?

- Каждый по-своему справляется с горем, дитя мое.

- Мистер Уэзеролл, но ведь мама покинула нас почти десять лет назад.

Он невесело рассмеялся:

- По-твоему, я слишком долго предаюсь скорби? Но то же самое я могу сказать и про тебя. Завершение образования пущено у тебя на самотек. Вместо того чтобы заводить подруг и полезные связи, ты лишь наживаешь себе врагов. Так что, Элиза, нечего насмехаться над моими привычками. Вначале разберись со своими.

Я нахмурилась и вернула разговор в прежнее русло.

- Мы должны узнать, кто стоял за покушением.

- Этим как раз я и занимаюсь.

- Каким образом?

- Упомянутый Раддок нынче скрывается в Лондоне. У нас там есть надежные люди. Семейство Кэрролл, если помнишь. Я заблаговременно известил их о своем приезде.

Никогда еще во мне не было столько решимости, как в тот момент.

- Я поеду с вами, - заявила я.

Мистер Уэзеролл нахмурился:

- Нет, черт побери, никуда ты не поедешь. Ты останешься здесь и будешь заканчивать свое обучение. Раскинь мозгами, если они у тебя есть: что обо всем этом скажет твой отец?

- А если мы сообщим ему, что меня посылают в Лондон в образовательных целях? Улучшить мой английский?

Мой защитник вдавил палец в парту:

- Нет. Как насчет того, что мы не станем врать, а ты останешься здесь?

Я замотала головой:

– Нет, я поеду с вами. Поймите, мистер Уэзеролл, этот человек годами снился мне в кошмарных снах. – Я надеялась, он заметит мольбу в моих глазах и голосе. – Мне необходимо похоронить своих призраков.

Англичанин закатил глаза:

– Рассказывай сказки! Неужто забыла, что я знаю тебя как облупленную. Скорее всего, тебе просто хочется развлечений. А еще – ты мечтаешь сбежать отсюда.

– Ну хорошо: мне хочется выбраться отсюда. Мистер Уэзеролл, войдите в мое положение. Знаете, как трудно выдерживать насмешки девиц вроде Валери и не иметь возможности сказать им, что в один прекрасный день, когда она будет сватать собственных дочерей за пьяного сынка какого-нибудь маркиза, я стану главой ордена тамплиеров? Этот этап моей жизни слишком затянулся.

– И все-таки придется подождать.

– Мне остался всего год, – не сдавалась я.

– Не напрасно этот год назван завершающим. Никакого завершения не будет, если ты не закончишь начатое.

– Мое отсутствие будет совсем недолгим.

– Нет. В любом случае, даже... даже если бы я согласился, ты бы ни за что не уломала свою директрису.

– Мы могли бы подделать письма, – упорствовала я. – Насколько понимаю, вы ведь в курсе ее переписки с моим отцом?..

– Разумеется, в курсе. Почему, как ты думаешь, я приехал сюда вместо него? Но рано или поздно отец все узнает. Пойми, Элиза: обязательно настанет момент, когда вся твоя ложь откроется.

– Тогда уже будет слишком поздно.

Мистера Уэзеролла захлестнула волна гнева. Его лицо стремительно покраснело, оттеняя седые бакенбарды.

– Об этом-то я тебе и толкую. Ты настолько занята собственной персоной, что совсем забыла о своих обязанностях. Это делает тебя беспечной, но чем беспечнее ты становишься, тем большей опасности подвергаешь репутацию твоей семьи. Черт меня дери, я сожалею, что вынужден говорить тебе такие вещи. Я думал, ты более восприимчива к голосу здравого смысла.

Я посмотрела на него и начала догадываться, чем закончится наша встреча. Спектакль, который мы разыграли, наверное, произвел бы впечатление на Валери. Мистер Уэзеролл изображал разгневанного гувернера, а я – упрямицу, которая наконец-то поняла всю правоту его доводов и устыдилась собственного поведения. Мое лицо тоже должно было изображать запоздалое раскаяние.

Мистер Уэзеролл кивнул, затем повернулся в сторону двери и повысил голос:

– Наконец-то вы закончили это письмо. Я отвезу его вашему отцу вместе с известием о вразумлении вас шестью ударами трости.

Я замотала головой и растопырила пальцы.

– Да, как я и говорил, двенадцать ударов тростью, – произнес побледневший англичанин.

Я еще отчаяннее замотала головой и снова растопырила пальцы.

– Ну да, десять ударов тростью.

Делая вид, будто вытираю слезы, я всхлипнула и выкрикнула:

– Пощадите меня, месье! Десять ударов! Боже мой!

– Кстати, не этой ли тростью наказывают у вас провинившихся девиц?

Мистер Уэзеролл загородил не всю замочную скважину: письменный стол попадал в поле зрения директрисы. Подойдя к столу, он взял трость, лежавшую там на почетном месте. Затем он спиной заслонил дальнейший обзор, а сам ловко схватил со стула директрисы подушку и перебросил мне.

Все было сделано очень гладко, будто мы играли этот спектакль каждый день. Мы представляли собой превосходный дуэт. Я подхватила подушку, положив ее на парту. Мистер Уэзеролл подошел ко мне с тростью в руках. Эту часть представления директриса могла только слышать.

– Начинаем, – громко, чтобы слышала мадам Левен, произнес мистер Уэзеролл и подмигнул мне.

Я встала сбоку. Мистер Уэзеролл отвесил подушке десять ударов тростью, каждый из которых сопровождался надлежащими звуками. Мне ли не знать, какие звуки при этом издает жертва экзекуции? Я представила себе раздосадованную, бормочущую проклятия мадам Левен. Ведь самого интересного она не увидела. После этого она наверняка примет решение незамедлительно переставить в кабинете мебель.

«Наказание» закончилось. Чтобы вызвать настоящие слезы, я подумала о маме, и они тут же появились. Вернув на место трость и подушку, мы открыли дверь. Мадам Левен стояла в вестибюле, на некотором расстоянии от двери. Я придала своему лицу страдальческое выражение. Мои покрасневшие глаза сердито скользнули по директрисе. Меня так и подмывало на прощание подмигнуть мистеру Уэзероллу, но я не поддавалась искушению и быстро удалилась зализывать раны.

На самом деле, мне нужно было кое-что обдумать.

23 января 1788 г

Итак, давайте вспомнить, с чего же все началось... Ага, точно: с заявления Жюдит Пулу, что у мадам Левен есть любовник.

Как-то вечером, когда в дортуаре погасили свет, Жюдит как-то невзначай сказала, что у мадам Левен «есть любовник, с которым она встречается в лесу». Остальные девчонки посмеялись над этим, но мне было не до смеха. Мне вспомнился другой вечер, когда после ужина я выглянула в окно дортуара и увидела ненавистную директрису. Кутаясь в шаль, она торопливо спустилась по ступенькам школьного крыльца и растворилась в темноте.

Вела себя она довольно странно, отнюдь не как человек, собравшийся подышать воздухом. Она, постоянно озираясь по сторонам, шла по дорожке, которая вела к гимнастическим лужайкам. Возможно, дальнейший ее путь лежал в лес, росший вокруг школы.

Два вечера подряд я не отходила от окна, неся вахту. Во второй вечер мне повезло, и я снова увидела директрису. Как и в прошлый раз, она украдкой покинула школьное здание, озираясь по сторонам. Однако окна, открывшегося на втором этаже, она так и не заметила. Я выбралась на решетку, устроенную для плюща, быстро спустилась вниз и отправилась в погоню.

Наконец-то мне пригодилась моя прежняя выучка. Я превратилась в ночного призрака, стараясь не выпускать директрису из поля зрения. Я неслышно неслась за ней по пятам. Свет луны облегчал ей движение. Она направлялась в сторону полей гимнастических лужаек.

Преследуя директрису, я неминуемо должна была выйти на открытое пространство. Слегка нахмурившись, я сделала то, чему меня всегда учили мама с мистером Уэзероллом. Я оценила обстановку. Луна светила мадам Левен в спину. Вдобавок директриса была подслеповата, тогда как мои молодые глаза отличались прекрасным зрением. Я решила увеличить расстояние между нами. Мне было достаточно видеть ее тень. Вскоре я заметила, как блеснули в лунном свете стекла очков. Директриса обернулась, проверяя, не увязался ли кто следом. Я застыла, сделавшись частью вечерней темноты и моля Бога, чтобы мои расчеты оказались верными.

Расчеты меня не подвели. Эта ведьма продолжала идти, пока не достигла кромки деревьев и не растворилась среди стволов и кустарников. Я поспешила и нагнала ее, двинувшись по той же тропинке, по которой шла она. Я снова превратилась в призрака. Мне вспомнилась другая тропинка, по которой я ходила год за годом. Та выводила к пню, на котором сидел улыбающийся мистер Уэзеролл, тогда еще не сломленный маминой смертью и не пахнувший вином...

Я прогнала воспоминания, когда увидела впереди хижину землекопа и поняла, что именно сюда и спешила директриса. Я остановилась за деревом и замерла. Директриса тихо постучала. Дверь открылась.

- Мне так не терпелось увидеть тебя, - услышала я слова мадам Левен.

Послышался отчетливый звук поцелуя, и директриса исчезла внутри, плотно закрыв дверь.

Это и был ее любовник, с которым она встречалась в лесу. Землекоп Жак. Я ничего не знала о нем, лишь иногда видела за работой, да и то издали. Впрочем, кое-что я все-таки знала: он был значительно моложе мадам Левен. Ну и темная же лошадка наша директриса!

Я вернулась в дортуар. К несчастью для директрисы, я теперь не только знала ее грязную тайну, но и не брезговала пустить эти сведения в ход, чтобы добиться от нее желаемого. Именно это я и намеревалась сделать.

25 января 1788 г

Едва кончился обед, ко мне подошла Жюдит. Та самая Жюдит, рассказавшая мне и остальным о любовнике мадам Левен. Она не принадлежит ни к числу моих врагов, ни к тем, кто мне благоволил. Лицо Жюдит ничего не выражало. Она сообщила, что директриса незамедлительно требует меня к себе в кабинет для разговора о краже подковы с двери дортуара.

Я придала лицу страдальческое выражение. «Боже, неужто опять? Когда же кончится это пытка?» - говорила моя маска, хотя я с трудом скрывала ликование. Вызов к мадам Левен был мне только на руку. Директриса на блюдечке преподносила мне замечательную возможность. Сейчас я сообщу ей «благую весть», объявив, что мне известно про ее любовника Жака. Конечно же, она вознамерилась наказать меня тростью за кражу «подковы счастья». Но когда я выйду из ее кабинета, моя ладонь не распухнет от ударов, а душа не будет бурлить от очередной несправедливости. Я покину ее кабинет с письмом к отцу, где будет написано, что мадам Левен направляет его дочь Элизу для

прохождения индивидуального обучения английскому языку в...

Если все пройдет по плану, так оно и будет.

Я громко постучала в дверь кабинета, вошла, расправила плечи, гордо подняла голову и уверенным шагом двинулась к окну, возле которого стоял стол директрисы. Подойдя, я шумно выложила на стол подкову.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тяжелая работа, рабский труд (фр.). (Здесь и далее прим. перев.)

2

Дословно «балдахин правосудия» (фр.). Впоследствии так стали называться законотворческие заседания королевского совета.

3

Скрытая правда (фр.).

4

Полное название первой в Европе светской закрытой школы для женщин.

5

Дворец Несчастий (фр.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/oliver-bouden/assassin-s-creed-edinstvo>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)